
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1756 год

Причины Семилетней войны. - Кауниц. - Перемена политической системы на Западе; союз Англии с Пруссией и Франции с Австрией. - Отношения России к западным державам. - Запись канцлера Бестужева о необходимости как можно скорее ратифицировать субсидный договор с Англией. - Условная ратификация договора. - Английский посланник Уильямс объявляет о заключении англо-прусского договора. - Положение канцлера Бестужева после этого объявления. - Учреждение конференции. - Определение русской политики ввиду новых европейских отношений. - Рассказ Зубарева. - Австрия замедляет движение России против Фридриха II. - Отношения русского двора к польско-саксонскому. - Нападение Фридриха II на Саксонию. - Переселение Августа III в Варшаву. - Станислав Понятовский. - Движения в Петербурге вследствие болезни императрицы. - Сближение России с Францией. - Напрасные старания Англии склонить Елисавету к посредничеству между Австрией и Пруссией. - Отношение России к Швеции и Турции. - Движения войск к прусским границам. - Главнокомандующий Апраксин. - Финансовые меры для поддержания войны. - Следствия передвижения войск из внутренних областей к границам. - Разбои и возмущения крестьян. - Меры относительно однодворцев. - Малороссия. - Восточная Украина. - Похождения башкирского возмутителя Батырши. - Сибирь.

Весною 1754 года в Северной Америке между французскими и английскими колонистами начались стычки, которые в Европе послужили поводом к перемене политической системы и к Семилетней войне. Говорим: послужили поводом, потому что причина заключалась в перемене отношений между европейскими государствами, которая обозначилась во время войны за Австрийское наследство. Европа привыкла к вековому соперничеству между Бурбонским и Габсбургским домами; от того или другого исхода борьбы между ними зависело политическое равновесие Европы, независимость других, менее сильных держав ее. Франция воспользовалась смертью последнего Габсбурга, императора Карла VI, чтоб раздробить его наследство и этим способом по окончательном ослаблении Германии через размельчение ее владений окончательно утвердить свое первенство в Европе. Как прежде, так и теперь благодаря политическому разъединению Германии Франция нашла себе союзников между ее владельцами, и между этими союзниками был король прусский. Но исход войны показал, что дела не могут идти по-прежнему. Как после Великой Северной войны европейские государства с удивлением увидели среди себя нового могущественного сочлена, внезапно выросшего, - Россию, так после войны за Австрийское наследство

они увидели среди себя другое новое могущество - Пруссию, пред которою должны были посторониться. Франция жестоко обманулась в своих надеждах: вместо окончательного размельчения и ослабления Германии здесь явилось государство, которое оказалось могущественнее Австрии, которое одно вышло с выгодною из войны и употребило Францию орудием для своих целей, для своего усиления, тогда как Франция надеялась употребить его своим орудием. Франция увидела, что главное препятствие своим намерениям относительно Германии будет она находить теперь в Пруссии, а не в Австрии, которая сходила на второй план, переставала быть опасною, почему соперничество с нею прекращалось и вековая вражда, естественно, начала уступать место сближению при виде общего сильного врага. С своей стороны Австрия, обобранная Фридрихом II, потерявши Силезию, увидела, что главный враг ее теперь не Франция, а Пруссия, что с Францией ей было бы легко сладить, если б не прусский король; поэтому и в Вене, естественно, рождалась мысль прекратить вековую вражду с Франциею, более неопасною, и вступить с нею в союз против нового могущества, одинаково страшного обеим державам, естественно, рождалась мысль, что только цепью союзов, и прежде всего союзом с Франциею, можно ослабить Фридриха II, заставить его возвратить Силезию, как такую же цепью союзов было сокрушено в начале века могущество Людовика XIV. Обстоятельства слагались так, что необходимо должна была последовать перемена в европейской политике, должно было последовать сближение и союз между Австриею и Франциею. Не Кауниц устроил этот союз с помощью какой-нибудь Помпадур; знаменитый министр Марии-Терезии только понял, что при известных условиях сближение между Австриею и Франциею возможно и необходимо.

Весною 1749 года Мария-Терезия приказала своим министрам представить письменные мнения о политической системе, которой Австрия должна теперь следовать. Кауниц, перечисляя в своем мнении естественных друзей и врагов Австрии, первое место между первыми дает Англии, которая для собственных выгод должна быть в союзе с Австриею. Но при этом не должно забывать, говорит он, что в случае войны с Пруссиею Австрия не может рассчитывать на помощь Англии. Король Георг, принц валлийский, и ганноверское министерство, конечно, ненавидят Пруссию, но это еще более усиливает расположение к Пруссии английского народа, у которого континентальные владения его собственного короля как бельмо на глазу. Голландия также по своим интересам должна быть на стороне Австрии; еще более Россия; но так как политика этого государства истекает не из действительных его интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц, то невозможно строить на ней продолжительную систему. Четвертою естественною союзницею Австрии Кауниц считает Саксонию, но она, к несчастью, не в состоянии принять с самого начала непосредственное участие в борьбе с Пруссиею. Враги Австрии - это Порта, Франция и Пруссия. Относительно первой ничего нельзя вперед определить, потому что ее поведение основывается не на

государственных правилах, а зависит от случайностей, как-то: возмущений, серальских интриг, отставки миролюбивого визиря и замены его воинственным. Относительно Порты нечего больше делать, как соблюдать постоянную осторожность и с своей стороны не подавать ни малейшего повода к разрыву. Что касается Франции, то Кауниц охотно признает все грехи, содеянные ею против австрийского дома в продолжение веков, а последний грех горше всех прежних: без малейшей причины взялась она за оружие и составила план лишить короны дочь Карла VI - это такой вероломный поступок, какому нельзя найти примера в истории. И эта главная цель французской политики - сокрушение австрийского дома - достигнута в том отношении, что Франции удалось противопоставить Австрии нового могущественного врага, который для Франции полезен, ибо может оттягивать от нее силы Англии и Голландии и делает невозможным соединение всей Германской империи против Франции. Несмотря на то, связь Франции с Пруссией не так тесна, как с первого взгляда кажется. Франция должна быть достаточно убеждена, что на дружбу короля Фридриха полагаться нельзя и что его постоянно возрастающая сила может обратиться в великий вред и самим его союзникам. Король прусский должен быть поставлен на первом месте в числе естественных врагов Австрии, должен считаться самым злым и опасным соседом. Нечего распространяться о вреде, причиненном потерей Силезии. С Силезией отрезан не какой-нибудь второстепенный член, но главная, существенная часть государственного тела. Теперь прусскому королю, имеющему многочисленное и отличное войско, постоянно открыта дорога проникнуть в сердце австрийских наследных земель и нанести монархии последний, смертельный удар. Сам прусский король не может ни минуты сомневаться, что императорский дом никогда не забудет потери Силезии, никогда не пропустит ни одного удобного случая снова овладеть ею. Из этого само собою следует, что для сохранения этого завоевания прусская политика должна быть постоянно направлена к большому ослаблению Австрии для отнятия у нее средств исполнить когда-либо свое намерение, и, таким образом, оба двора будут постоянно жить в величайшем соперничестве и непримиримой вражде. Из сказанного ясна несостоятельность прежней политической системы и необходимость принять новую. Главным основанием последней должно быть правило: напрягать все усилия к тому, чтоб не только предохранять себя от враждебных предприятий прусского короля, но и ослаблять его, ограничивать его господство и возвратить потерянное. Без союзников нельзя воевать с Пруссией. От морских держав нельзя ожидать никакой помощи, остается, следовательно, одно средство для достижения великой цели: склонить Францию не только не противиться предприятиям Австрии, но содействовать им непосредственно или по крайней мере посредственно. Это может произойти только тогда, когда Франция найдет более выгодным для себя падение прусского могущества, чем его сохранение. Поэтому надобно сделать Франции такое предложение, которое бы побудило ее поддерживать Австрию в стремлении возвратить себе Силезию.

Уничтожить вековые привычки, вековые предрассудки - дело трудное; трудно было сближение Австрии с Францией; трудно было внушить людям привычки и предрассудка, что недавний союзник есть естественный соперник и враг и извечный враг стал естественным союзником; надобно было вооружиться долготерпением и ждать благоприятных обстоятельств. Осенью 1750 года Кауниц приехал во Францию в качестве посланника и в мае 1751 года уведомил свою государыню, что слишком мало надежды произвести разрыв между французским и прусским дворами. Кауницом овладело отчаяние; он писал, что единственное разумное средство утвердить безопасность Австрии - это забыть потерю Силезии, отнять у прусского короля на этот счет всякое беспокойство и втянуть его в союз Австрии с морскими державами. Кауниц охотно вел долгие разговоры с фавориткою Людовика XV маркизой Помпадур и говорил ей разные вещи, которые, как он был уверен, она передаст королю; но видимо, благоприятных последствий от этих разговоров не оказывалось.

Весною 1753 года Кауниц возвратился из Франции и был назначен канцлером. При французском дворе он был заменен графом Штарембергом, в инструкции которому говорилось, что, принимая во внимание тесную связь Франции с Пруссией, жалобы при французском дворе на прусского короля или обнаружение ненависти и отвращения к нему скорей произведут вредное, чем благоприятное, действие. Вот какое горькое убеждение вывез из Франции новый канцлер, первый заявивший невозможность разрыва между Францией и Пруссией и сближения Франции с Австрией! Распря между Англией и Францией за американские колонии не переменяла этих отношений. Когда в Европе стали думать, что американские столкновения поведут к европейской войне, то не сомневались, что Франция и Австрия, по обычаю, выступят враждебно друг против друга. Точно так же все думали, что Пруссия станет на сторону Франции, а морские державы, Англия и Голландия, будут вместе с Австрией, что Франция начнет дело нападением на австрийские Нидерланды, а король прусский вторгнется в Ганновер. Последнее, разумеется, заставляло трепетать английского короля как владельца ганноверского, и он требует у Марии-Терезии, чтоб она немедленно выслала в свои Нидерланды от 25 до 30000 войска, а если Ганновер подвергнется нападению, то не только отправила бы туда войско, но и сделала бы диверсии против прусского короля из своих ближайших владений, и требование это было сделано в таких выражениях, которые венский двор счел для себя очень оскорбительными. Кауниц отвечал английскому посланнику Кейту, что если бы австрийские войска находились на жалованье Англии, а не своей государыни, то и тогда нельзя было бы с большею резкостью в тоне потребовать от императрицы, чтоб она оставила без войска зерно своих владений и отправила его в Нидерланды для защиты Голландии, Англии и Ганновера. В Вене соглашались отправить в Нидерланды от 10 до 12000 человек, но с условием, чтоб Англия и Голландия выставили соответствующее число войска, своего или наемного. Потом венский двор соглашался увеличить

число своего войска в Нидерландах до 30000, но с тем, чтобы Англия выставила 20000 войска и Голландия - 8000. Англия продолжала требовать, чтоб Австрия высылала как можно более войска в Нидерланды, отмалчиваясь насчет числа своего войска и давая только знать, что прусского короля можно склонить к нейтралитету.

Эти отношения венского двора к Англии и намеки последней на свои отношения к Пруссии дали Кауницу новые побуждения приступить к делу сближения Австрии с Франциею. 21 августа (н. с.) 1755 года курьеры поскакали в Париж с инструкциями для Штаремберга. Посланник Марии-Терезии должен был объявить Людовику XV, что императрица охотно сохранила бы мир и только необходимость может принудить ее начать войну против Франции. Но она имеет причины думать, что Англия чрез посредство протестантских дворов старается войти в союз с королем прусским или по крайней мере сдерживать его посредством русского войска, чтоб таким образом для своих интересов принести в жертву интересы католицизма, равно как австрийского и Бурбонского домов. Это заставляет императрицу привести в соглашение свои интересы с интересами Бурбонского дома. Только слепая страсть и старые предрассудки могли до сих пор препятствовать делу, спасительному и желанному для охранения католицизма и спокойствия Европы.

Штаремберг обратился к маркизе Помпадур с просьбою о посредничестве, потому что она пользовалась наибольшим доверием короля и потом, если бы не сделать ее участницею дела, то можно было опасаться препятствий ему с ее стороны. Людовик XV назначил вести переговоры с Штарембергом аббата Берни, любимца маркизы. В первом французском ответе на предложение Штаремберга говорилось, что король без самых убедительных доказательств измены и без самых важных побуждений не может разорвать с своим союзником - прусским королем; но надобно толковать о том, чтоб предупредить разрыв между Австриею и Франциею; прежде всего оба государства должны обязаться не помогать никому, кто стал бы действовать в противоречии с Ахенским договором.

В Вене увидали, что Францию нельзя заставить отказаться от прусского союза; но по крайней мере Франция была не прочь от сближения с Австриею. В таком положении дело перешло из 1755 в 1756 год, в начале которого во Франции узнали, что прусский король действительно заключил союз с Англиею.

Мы видели, что английский двор, беспокоясь за Ганновер и Голландию, требовал от Австрии сосредоточения значительного числа войска в Нидерландах. Англия опасалась в этом случае сколько Франции, столько же и ее союзника короля прусского, для отвлечения которого она так и хлопотала о субсидном договоре с Россиею. Но если венский двор ввиду борьбы на жизнь и на смерть с Пруссиию дошел до мысли о необходимости сблизиться с извечным врагом своим - Франциею, разорвать во что бы то

ни стало союз между нею и Пруссией, то и двор английский по тем же побуждениям должен был прийти к мысли сблизиться с Пруссией, разорвать союз между нею и Францией, тем более что дело казалось гораздо легче: между Англией и Пруссией не было вовсе застарелой вражды, напротив, было большое сочувствие и единство в интересе религиозном. Обезопасить себя со стороны Пруссии, а с помощью старой союзницы - Австрии сдержать Францию от нападений на Голландию и Ганновер казалось в Лондоне мастерским делом; субсидный договор с Россией не считался вовсе лишним и при новых отношениях к Пруссии; русское войско можно было двинуть, как прежде, против Франции, по крайней мере можно было испугать ее, и таким образом в предстоящей войне Англии и Франции все сильнейшие государства Европы стали бы на стороне первой против последней.

В августе 1755 года английское министерство сделало предложение Фридриху II войти в соглашения относительно сохранения спокойствия в Германии, для чего прусский король должен дать формальное обещание ничего не предпринимать против немецких владений великобританского короля, не подкреплять французского нападения на них, но препятствовать ему. Фридриху II понравилось предложение, потому что его сильно беспокоил субсидный трактат Англии с Россией: если возобновить союзный договор с Францией, рассчитывал он, то надобно будет напасть на Ганновер, т. е. поднять против себя Англию, Австрию и Россию; если заключить союз с Англией, то, вероятно, французы не внесут войны в пределы Германской империи, а Пруссия будет в союзе с Англией и Россией; это заставит Марию-Терезию пребывать в покое, несмотря на все ее желание возвратить себе Силезию. Английское министерство уверяло его, что цель субсидного трактата между Англией и Россией состоит единственно в защите владений английского короля, что по условиям договора русские войска двинутся только в том случае, когда какое-нибудь государство предпримет открыто напасть на его владения; английское министерство уверяло его, что между Англией и Россией господствует совершенное согласие, что король Георг твердо рассчитывает на дружбу императрицы Елисаветы. Не имея средств удостовериться в этом прямо в Петербурге вследствие прервания дипломатических сношений между Россией и Пруссией, Фридрих осведомлялся в других местах и отовсюду получал удостоверения, что влияние Англии в Петербурге сильнее, чем влияние Австрии, потому что английское правительство богато, а Мария-Терезия бедна. Успокоясь на этот счет, Фридрих заключил союз с Англией 16 января 1756 года.

Известие об этом союзе произвело страшное впечатление во Франции, вследствие чего 2 мая 1756 года заключен был в Версале оборонительный союз между Францией и Австрией.

Англия увидела, что ошиблась в своих расчетах. Погруженная в соображение одних своих интересов, она забыла, что и у других держав

есть свои интересы, что если в Лондоне был интерес ганноверский, то в Вене был интерес силезский. Английский посланник в Вене Кейт имел любопытный разговор с Мариєю-Терезиею по поводу австро-французского союза. Когда Кейт заметил, что этот союз есть нарушение прежних дружественных отношений Австрии и Англии, то императрица с жаром отвечала: "Не я покинула старую систему; но Англия покинула и меня, и систему, когда вступила в союз с Пруссиею. Известие об этом поразило меня как громом. Я и король прусский вместе быть не можем, и никакие соображения в мире не могут меня побудить вступить в союз, в котором он участвует. Мне нельзя много думать об отдаленных землях, пришлось ограничиться защитою наследственных владений, и здесь я боюсь только двух врагов: турок и пруссаков. Но при добром согласии, которое теперь существует между *обеими императрицами*, оне покажут, что могут себя защищать и что нечего им много бояться и этих могущественных врагов".

Последние слова одной из императриц показывали, что Англия ошиблась и в другой раз: австрийское влияние в Петербурге было сильнее английского; ошибочны были полученные Фридрихом II известия, что английское влияние здесь преобладает, потому что англичане могут дать больше, чем австрийцы. Ошибочно было и мнение Кауница, что политика России истекает не из действительных ее интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц: с начала царствования при дворе Елисаветы повторялось, что король прусский есть самый опасный враг России, гораздо опаснее, чем Франция, и это было убеждением самой императрицы. Петр Великий оставил Россию в самых благоприятных внешних отношениях: она была окружена слабыми государствами - Швециею, Польшею; Турция была или по крайней мере казалась более сильною и опасною, и это условило австрийский союз по единству интересов, по одинакому опасению со стороны Турции; это же условило и враждебные отношения к Франции, находившейся в постоянной дружбе с султаном. Но теперь обстоятельства переменились; вблизи России является новое могущество; прусский король обрывает естественную союзницу России Австрию; он сталкивается с Россиею в Швеции, Польше; отдаленность Турции не мешает ему искать ее дружбы, и, разумеется, не для выгод России. Блестящие способности Фридриха II и неразборчивость средств при достижении целей делают могущество Пруссии еще более опасным, еще более усиливают раздражение, ибо заставляют быть в натянутом положении, вечно готовиться к какой-нибудь неожиданности, военной или дипломатической. Помнили хорошо, как были наказаны за оплошность нападением Фридриха на Саксонию; знали, что Швеция и Польша сами по себе неопасны; но когда будут соединены прусскими интригами, тогда другое дело; вследствие могущества Пруссии и характера ее короля боялись не только за Курляндию, но и за приобретение Петра Великого. Это постоянное опасение и раздражение сделали господствующею мыслью о необходимости окружить прусского короля цепью союзов и сократить его силы при первом удобном случае. Приняли предложение Англии о субсидном трактате, имея в виду выставить на

чужой счет большое войско против прусского короля, и остановились только при мысли: а что если Англия потребует это войско не против прусского короля, а против Франции, потребует выслать его в Нидерланды? Австрия отказывается посылать туда свое большое войско, требует, чтоб Англия послала свое или наемное! Но не одна эта мысль должна была удерживать русское правительство от заключения субсидного трактата. Если Австрия на основании английских намеков давно уже внушала французскому двору о готовящемся союзе между Англиею и Пруссиею, то почему она могла скрывать это при петербургском дворе? Эстергази не сообщал этого официально, мог не сообщать этого канцлеру, известному приверженцу английского союза, но должен был внушать об этом Воронцову, Шуваловым, должен был внушать об этом из раздражения против Англии, из старания оправдать сближение Австрии с Франциею.

Мы видели, что ратификация субсидного договора была остановлена в конце 1755 года, и Воронцов объяснял Уильямсу медленность императрицы нежеланием ее посылать свои войска далеко в Германию или Нидерланды и желанием употреблять их только против короля прусского. 19 января 1756 года канцлер подал императрице следующую записку: "Английская субсидная негоциация во время продолжительного своего течения неоднократно подавала случаи утруждать ее императорское величество всенижайшими представлениями. Наблюденная тем должность получала всегда свое воздаяние, ибо ее импер. величество, по своему просвещенному проницанию тотчас усматривая, что все оные исполнены были искренним усердием и ревностью к ее ж высочайшей славе и к пользе ее интересов, всегда всемилостивейшею апробациею их удостоивать изволила. Теперь от исполнения вновь сея должности канцлер толь меньше уклониться может, что оная ему наиважнейшею, нежели когда-либо, кажется, да, может быть, и последнею его министерства есть. Во всей вышепомянутой негоциации, не будучи учинено ни малейшего поступка, о котором бы не было наперед со всею ясностью и подробностью ее импер. величеству всенижайше представлено и на который бы паки точного именного ее величества повеления наперед не воспоследовало, нельзя натурально доискиваться причины, для чего так медлится размена ратификаций на заключенную здесь с английским послом Вилиамсом по ея ж высочайшему указу конвенцию, ежели б давно известно не было, что всякое дело имеет свои критики, так, как каждый своих неприятелей, с тою только разностью, что, сколь дело больше, важнее и полезнее, столь больше зависть или и самая ненависть ищут показать его вредительным. По несчастью, ничего легче нет, как критиковать, по меньшей мере гораздо беззаботнее, нежели прямое дело делать. Целый свет заражен ныне сею болезнью. Сие есть канцлерово простое гадание, которому, однако ж, остановку ратификаций он еще приписывать не может, ибо, как выше упомянуто, что ничего не учинено в сем деле без высочайшей апробации, то всякая критика оскорбляла бы ее просвещенное проницание; а сверх того, хотя б и так было, то ничего ж легче нет, как ту самую критику употребить к доказательству, что оная происходит от людей, о прямом

состоянии дела несведущих, но самолюбивых или же завистию, а может быть, и самую ненавистью преисполненных".

Отклонив возражения, которые можно было сделать против некоторых пунктов конвенции, Бестужев продолжает: "Ее импер. величество с самого своего на престол восшествия такую вдруг приобрела славу, каковую другие государи ниже ласкаться могут. Шведы в одну кампанию побеждены, целая их армия с пашпортами домой отпущена, вольному народу король дан, целая провинция, присягу в верности и подданства ее импер. величеству давшая, подарена, мир славно и с новым приращением для империи восстановлен. Все в Европе державы одна пред другою спешили присылкою торжественных посольств искать дружбы ее импер. величества; можно сказать, что еще никакой государь не имел удовольствия быть толико почитаемым; были ли тогда к славе ее импер. величества канцлеровы труды, оное ее величеству лучше известно и, может быть, еще памятно, что в тогдашнее время Лесток, Бриммер, Шетарди и Мардефельд такие хитрые сплетали сети, что без мудрого и просвещенного ее императ. величества проницания канцлеровы усердные старания всегда ему ж погибелью уграживали. Все оное, однако ж, преодолено. Сколько Лесток ни кричал, чтоб графа Кейзерлинга из Ренегсбурга отозвать, доказывая, якобы того при государе Петре Великом не бывало, а не памятуя, что тогда здешнего резидента тамо и принять не хотели; однако ж продержанием его тамо императорский титул от всей Римской империи получен. Более того, тотчас потом весь сей корпус представил себя вступить в союз с ее импер. величеством; но за многими тогда криками сей германский корпус и ответом не удостоен, хотя он, напротив того, ни которой другой державе сей чести не сделал, чтоб свой союз представить. Много было криков и движений и против ходившего на помощь морским державам войска, однако ж теперь сожалеют только о том, для чего то ранее сделано не было. Саксония разорена бы не была, король прусский Шлезии не удержал бы и так опасен, как ныне, не сделался бы. При сем сожалении канцлер имеет некоторое утешение, что за представлениями его не стояло сим несходствиям предупредить; но ему то несносно и крайне сокрушительно ежели б и ныне, искусясь в том и другом, однако ж до того допущено было, чтоб после сожалеть надлежало.

Доныне продолжающееся медлительство в размене ратификаций на заключенную конвенцию уже довольно имеет, о чем после сожалеть заставит. Но буде, паче всякого чаяния, все сие дело и вовсе уничтожить рассудится, то, вместо того чтоб весьма легким образом, а именно чужим именем и с подмогою чужих денег, сокращать короля прусского, подкрепить своих союзников, сделать сего гордого принца у турков, у поляков, да и у самих шведов презрительным, а не так, как ныне, уважительным, а чрез то самое и турков и шведов для здешней стороны не так опасными или вредительными, а Польшу больше преданною, и, вместо того чтоб повелительницею Европы и сохранительницею ее равновесия быть, оставятся только союзники их собственному жребию, следовательно,

неприятелями своими утеснены и совсем обессилены будут. Напротив того, усилится король прусский и чрез него и шведы, большую приобретут они инфлюенцию и в Польше и у турков; Россия останется одна против многих неприятелей, не имея ни одного союзника, и буде не нападена и не угрожаема, то, однако ж, теряя все то почтение, которое поныне возбудило толико славы и зависти, ибо старые союзники, не полагаясь более на здешнее защищение, а еще паче опасаясь усилившихся своих неприятелей, не посмеют и требовать здешней помощи, да и принятие их тогда в союз было бы только здешней стороне тягостно; а усилившиеся неприятели, не имея ничего тогда опасаться, будут только о том пещись, что Россию буде не в старые пределы привести, то по меньшей мере инфлюенцию ее из генеральных дел выключить, к чему и великое уже начало сделано будет, сколь скоро токмо часто помянутая заключенная конвенция уничтоженною объявится, ибо сколь скоро английские ратификации подобно как бы вексель с протестом туда назад придут, то сие для короля и нации бесчестие так велико, что коль ни драгоценна им дружба ее импер. величества, однако ж она много холодности и корреспонденции остановки претерпит. Показав таким образом вредительные и крайне бесславные от разрушения сего дела несходствия, канцлер с радостью бы ожидал, ежели бы оные ему кем-либо письменно оспорены и ему на то паки ответствовать повелено было б.

Со всем тем ежели б, однако ж, ее императ. величеству всевысочайше угодно было часто помянутую конвенцию уничтожить, то он по своей ревности и усердию о ее монаршей славе и достоинстве скрыть не хочет, что к наблюдению в сем случае надлежащей благопристойности нет другого способа, как объявить велеть, что канцлер и вице-канцлер возложенную на них доверенность во зло употребили, данные им повеления превзошли и за то чинов своих и должностей действительно лишены. Ежели сей несчастливый жребий постигнет и одного канцлера, хотя он сей отличности пред вице-канцлером и не заслужил, то он найдет при том свое утешение, что в совести ни пред Богом, ни пред ее императорским величеством, ни пред отечеством ничего не согрешил, но для того без вины виноват был и сам быть хотел, дабы тем самым не допустить и малейшего ущерба той славе, которая пятнадцатилетним мудрым ее императ. величества государствованием до толикого градуса дошла. Будущие по нем и на его месте могут с лучшею благопристойностью, сваливая вину на несчастливых, стараться о поправлении, ежели только что пропущено или худо сделано. В самое последнее и главное свое утешение канцлер приемлет смелость ее импер. величеству, как суще верный раб и подданный, и так, как бы он теперь на суде пред самим Богом стоял, всенижайше представить, что, как бы сие дело ни обратилось, ныне ли бы тотчас ратификовано или бы после другими переделано было, ее всевысочайшая служба и польза государства необходимо требуют управление оно и всего к нему принадлежащего под своим монаршим руководством поручить такой комиссии, которая бы из таких и стольких людей составлена была, каких ее импер. величество сама

избрать изволит, и которые бы наипаче ее высочайшую доверенность к себе имели и, имея свое собрание и заседание при дворе, могли тотчас на все получить монаршие ее императ. величества резолюции и повеления и потому с потребною скоростью и силою управлять и двигать такую великую машину, какова есть отправление корпуса 55000 человек морем и сухим путем, удовольствие оного тамо содержание, предприемлемые им операции и множество сопряженных с тем околичностей. Из того та польза будет, что обо всем спросится на одних, они обо всем и пецись должны будут, никакое дело в долгих и излишних между коллегиями переписках не заволочится, и один другому портить не посмеет для того, что всем равно поручено, на всех равно и спросится, по меньшей мере не будет такого разноречия, как ныне, а именно в держанных в Москве при дворе конференциях все единогласно кричали: надобно за усмирение короля прусского приняться, не смотря, станут ли в том союзники содействовать или нет, только бы здешняя армия умножена была. Теперь, когда сие умножение сделано и дело идет не о том, чтоб самим и одним короля прусского атаковать, а только о том, чтоб помогать против него союзникам, след., приводить его под чужим именем и с помощью чужих денег в бессилие, то вдруг те же самые против подания помощи спорят, которые прежде советовали и подписали, несмотря ни на что, самим атаковать. Напротив того, без подобной комиссии ежели командующий генерал будет вдруг получать указы из Сената, Военной и Иностранной коллегий, и Адмиралтейская коллегия в то ж время галерами распорядит будет, а, напротив того, сии места между собою вместо согласного вспоможения будут только письменно переспариваться и, протягивая время, вину один на другого сваливать, то можно наперед себе вообразить, коль печально будет тогда состояние сего командующего генерала. Может быть, канцлер в своей ревности и горячности многоизлишнего или излишне усердного здесь написал; но буде сие имеет быть последним исполнением его должности, то он никогда довольно твердо написать не мог; а буде, напротив того, представления его справедливы и основательны, то ее импер. величество толь великодушна и толь справедлива, что в рассуждении его ревности и усердия всемиловитейше отпустит ему неумеренность, буде есть, его израженей".

Мнение канцлера, продиктованное раздраженным самолюбием, было крайне слабо. Оно было наполнено выходками против недоброжелательных людей, которые из личной вражды к нему, канцлеру, останавливают полезное для государства дело; указывалось на противоречие этих людей, которые кричали о необходимости сократить силы короля прусского, о необходимости выставить большое войско; а теперь, когда идет дело о том, чтоб содержать это войско на чужой счет, они не хотят. Но Бестужев в своем раздражении бил совершенно мимо: люди, которые раздумывали и внушали императрице раздумье над субсидным трактатом, были совершенно последовательны; они готовы были сейчас подписать субсидный трактат, если бы они были уверены, что войско немедленно и непременно двинется против Фридриха II; их

останавливало сомнение, не должно ли будет идти войско в другую сторону. Канцлер своими требованиями, угрозами оставить должность заставлял ускорить ратификацию трактата, но когда был поставлен вопрос - ратифицировать безусловно или с условием, чтоб русское войско было употреблено только против короля прусского, то канцлер, разумеется, не мог выставить ничего против этого условия, ибо оно вытекало прямо из сущности дела, его нельзя было не допустить, допуская в предприятии высшую, государственную цель, а не простую продажу русских солдат англичанам.

1 февраля вечером Уильямс был приглашаем к канцлеру на конференцию в присутствии вице-канцлера. Здесь сличены были ратификации на конвенцию и потом разменены "при взаимных и обыкновенных комплиментах". Лицо Уильямса сияло удовольствием; но это удовольствие сейчас же исчезло, когда он прочел поданную ему Бестужевым секретную декларацию, в которой говорилось: "Содержание самой конвенции хотя довольно изображает, что случай диверсии не может настоять иначе как только когда б король прусский атаковал его британское величество или кого-либо из его союзников, так что о том всякое дальнейшее объяснение излишним казалось бы, ибо в противном случае, а именно буде бы войскам ее импер. величества в Нидерланды, на Рейн или в Ганновер идти надлежало, то не могла бы ее импер. величество снять на себя пропитание оных в толь отдаленных местах, а особливо 15000 человек конницы, в котором числе много легкого двуконного войска; не могло бы тогда упоминаемо быть о галерах, способом которых ее импер. величество десант учинить обязалась; не было бы нужды его британскому величеству присылать в Балтийское море эскадру своих кораблей и, наконец, по меньшей мере надлежало бы наперед согласиться о свободном проходе чрез многие имперские области, о чем в конвенции ни слова не упомянуто; однако ж ее импер. величество для избежания всякого вперед недоразумения сим и силою сего точно себе предоставляет и декларирует, что случай диверсии, которую ее величество ратификованною ныне конвенциею учинить обязалась, не может настоять иначе как только ежели бы король прусский атаковал области его величества короля великобританского или его союзников. Впрочем, повелевает ее импер. величество господина посла и паки накрепчайше обнадежить, что сие предоставление ничем не уменьшит той точности, с которою ее величество все принятые свои обязательства исполнить намерена; паче же дружба ее императ. величества к своим высоким союзникам, а особливо к его величеству королю великобританскому, так велика, что императрица удаления не оказала бы и в Нидерланды войска свои так же отпустить, как они уже туда на помощь обеим морским державам ходили, ежели бы домашние всегда и везде всяким посторонним предпочитаемые обстоятельства тому не препятствовали, ибо господину послу по союзнической откровенности не таится, что случившиеся с сибирской стороны от разных здешней империи подданных народов, число которых превосходит полумиллиона, замешательства такого состояния суть, что

буде не великую часть здешних армей упражняют, то, однако ж, неминуемо заставляют во всякой в запас готовности быть, следовательно, толь дальным, как в Нидерланды, походом себя не обессиливать".

"Я отправлю эту декларацию к своему двору, - сказал Уильямс, - впрочем, хотя мне известно, что при заключении конвенции имелся единственно в виду король прусский, да и теперь оной двор отнюдь не помышляет заводить здешние войска в Нидерланды, однако я предусматриваю, что такие изъятия могут много убавить той пользы доброму делу, которая ожидается от заключения этой конвенции, и особенно королю, моему государю, прискорбно будет точное имянное исключение Ганновера. Смею также заметить не как министр, но как частный, России преданный человек, что приведенная в конце причина - башкирские замешательства - затмевает славу русского имени, так что я охотнее принял бы простой отказ, чем прикрашенный таким предлогом".

На другой день Уильямс прислал канцлеру письмо, в котором говорил, что, подумавши хорошенько, он не может доставить своему государю бумагу, которая, по его мнению, уничтожает некоторым образом смысл конвенции, произведет беспокойство при английском дворе, горечь в сердцах союзников, радость и наглость у врагов. Цель конвенции - сдержать врагов и придать мужества и деятельности союзникам; но декларация может произвести действие, диаметрально противоположное этой цели. 3 февраля отправился к Уильямсу секретарь Иностранной коллегии Волков с объяснением, что императрица при заключении конвенции была того мнения, что требуемая диверсия может быть только против короля прусского, и потому с ее стороны было бы поступлено неоткровенно, если б она своего мнения не объявила прямо королю великобританскому. Уильямс отвечал, что декларация сама по себе его не опечалила б, потому что двор его не имеет намерения требовать русских войск в Нидерланды; но он боится, что декларация помешает постращать Францию русским войском.

Но скоро Уильямс нашелся в тяжелом положении: он должен был признаться, что русский двор был совершенно прав, принимая свои меры; Уильямс должен был объявить Бестужеву о союзе Англии с Пруссией. 4 февраля он приехал к канцлеру и сообщил содержание договора, заключенного Англиею с прусским королем. Посланник уверял при этом честью, что, кроме этого содержания, не постановлено никакого тайного или сепаратного обязательства, что государь его приписывает оказанную королем прусским готовность к союзу страху пред англо-русскою конвенциею, что король Георг не полагается нисколько на искренность чувств Фридриха II и при заключении с ним договора имел одну цель - отвратить прусского короля от соединения своих сил с французскими, а французов удержать от нападения на Германию. Уильямс внушал, что англо-прусским договором нисколько не нарушается англо-русская конвенция, ибо только благодаря ей государь его и может надеяться, что

Фридрих II не посмеет нарушить и свой договор. Король, его государь, надеется, что в исполнение конвенции императрица прикажет подвинуть свои войска ближе к границам и содержать их в готовности к походу, а следующая на их содержание денежная сумма готова.

По донесению Уильямса своему министерству, Бестужев поздравил его с новым союзником, но прибавил: "Императрице не понравится, что этот договор сообщен прежде австрийскому министру при вашем дворе графу Коллореду, чем нашему князю Голицыну, да и вообще новая связь между Англиею и Пруссиею будет ей очень неприятна". Уильямс отвечал: "Кроме Франции, этот союз никого не может оскорбить, разве кто уже готов чувствовать себя оскорбленным. Я надеюсь, что вы употребите все старание представить императрице это дело с настоящей точки зрения". "Но что скажет венский двор?" - спросил канцлер. "Если австрийское министерство, - отвечал Уильямс, - действительно желает продолжения мира, то оно не может ничего сказать против".

С удивительною легкостью относились английские дипломаты к делам континентальных держав. Не было никакого труда узнать настоящие чувства петербургского и венского дворов, узнать, чего они хотят - войны или мира с Пруссиею. Фридрих II мог быть обманут донесениями с разных сторон, потому что долго не имел своего министра в Петербурге; но Англия не прерывала своих связей, и связей самых дружеских, с Россиею, следовательно, не могла оправдаться невозможностью получить верные сведения. Уильямс отличался особенно неумением вникать в положение дел при дворе, при котором находился; он дал своему правительству самое ложное понятие о дворе петербургском, внушая, что здесь все продажное, что можно подкупить и того и другого, тогда как на поверку выходило, что нельзя было никого подкупить и заставить действовать вопреки основной политике двора, что с Англиею сближались, когда это сближение соответствовало главному положению, останавливались, когда подозревали несоответствия, и, наконец, совершенно покидали дело, когда видели действительное несоответствие. Уильямс не хотел подумать, какой удар англо-прусским союзом наносится англо-русскому союзу, какой удар наносится канцлеру, который был всегда главным поборником англо-русского союза, как Бестужев выдается на жертву своим врагам. И после Уильямс продолжал уверять свой двор, что англо-пруссский союз не произведет дурного действия в Петербурге, что и Бестужев, и Воронцов постараются уничтожить это дурное действие.

Бестужев знал очень хорошо, что нет никакой возможности уничтожить дурное действие англо-пруссского союза, если только сама Англия не уничтожит союза. Никогда еще знаменитый канцлер не был в таком печальном положении. Как нарочно, только что перед тем с необыкновенною горячностью настаивал он на ратификации субсидного договора, выставляя свою непогрешимость и позоря врагов их ошибками; и вдруг такая страшная ошибка, такой позор перед лицом этих самых врагов!

Теперь уже нет более возможности величаться всегдашнею верностью своих суждений: что, если б императрица послушала его и поспешила безусловно ратифицировать субсидный договор? Эти враги, которых он так беспощадно порицал, одержали полную победу, благодаря их пронизательности Россия не далась в обман, оставила за собою полную свободу действия. Хуже всего, Бестужев должен был чувствовать, как он упал в мнении императрицы: Елисавета никогда не любила его, но она считала его необходимым по его талантам и опытности и не выдавала врагам; но теперь это обаяние необыкновенного искусства и предусмотрительности исчезло: ошибки молодости, неопытности извиняются легко, ибо считаются средством к приобретению искусства; ошибки старости не прощаются, ибо могут только служить признаком падения сил. С падением Бестужева поднимался Воронцов: Елисавета любила его как старого верного слугу во время испытания; потом обнаружила холодность, когда указаны были ей увлечения вице-канцлера, но холодность не была продолжительна; сам Бестужев отнял у Воронцова возможность грешить и навлекать на себя гнев императрицы, разорвав с Пруссией, удалив из Петербурга ее министров. Улик против вице-канцлера не было более, он неуклонно шел по течению, и Елисавета незаметно возвратила ему прежнюю благосклонность, а Шуваловым он был нужен как покорное орудие, как человек, неопасный своею самостоятельностью. Воронцов все более и более захватывал себе участия в делах; остальные члены Иностранной коллегии были на его стороне.

Бестужев в своей записке настаивал, что при важности обстоятельств необходимо учредить чрезвычайное собрание, которое бы ведало дела политики и войны. Он требовал этого собрания для себя, чтоб иметь всегда перед собою неприязненных людей, заставлять их высказываться явно в присутствии императрицы, громить их в этом присутствии и тут же приводить Елисавету к окончательным решениям - одним словом, отнять у врагов великую выгоду действовать против него без него. Когда 3 марта императрица велела коллегии Иностранных дел подать свое мнение по поводу англопрусского союза, то канцлер написал записку, в которой говорил: "Когда канцлер в окончании пространного своего представления от 19 января упоминал вкратце о надобности и пользе учредить некоторую особливую из доверенных персон комиссию, которая бы под единым руководством ее им. в-ства поручаемое ей отправляла, то он тогда подлинно не имел еще к тому другой важнейшей причины, как только чтоб удобней и с лучшим порядком исполнять принятые обязательства. Почему ежели б почитать, что заключенный в Англии с королем прусским трактат разрушает некоторым образом здешнюю конвенцию, то вышепоказанное о учреждении некоторого совета представление могло б теперь уже прошедшим делом считаться. Но понеже вместо того сей с Пруссией трактат, не разрушая нисколько здешней конвенции и обещая паче, что Англия ныне еще охотнее по сту тысяч фунтов стерлингов на год давать будет за содержание здешних войск в Лифляндии (для того, что иначе не может она полагаться на святость прусского обещания и единственно

здешние войска надежным сему трактату гарантом служить имеют), переменяет, однако ж, по правде сказать, весь вид бывшего донныне генеральных европейских дел состояния; то скорей произведение в действо вышепоказанного представления ныне паче, нежели когда-либо, нужно и полезно быть имеет; надобно принятие такой резолюции, которая бы всех в Европе держав, так сказать, удивля и останавливая каждую в своих устремлениях, обратила их глаза и атенцию предпочтительно всем другим на здешний двор, и чрез то, сделав их неотменными искателями здешней дружбы, и избирать тогда что лучшее. Ничего к сему способнее быть не может, как тогда б ее и. в. - ство, избрав наидостойнейших монаршей своей доверенности персон, учредило из них при своем дворе тайный военный совет не только для нынешнего времени, но и навсегда. Сия одна резолюция всех в Европе дворов на довольное время остановила б, ибо каждый за нужно и необходимо для себя почтет обождать сперва, какие будут сего нового военного совета упражнения и к чему прямо определение его клониться имеет; а из того то произойдет, что, стараясь каждый ближе здешние склонности распознать, натурально принужден будет свои тем больше обнажить и всегда здешнему двору оставить во власти решение между ими делать. Весьма много сему первому распоряжению важности прибавится, ежели б притом еще угодно было повелеть, чтоб сей тайный военный совет начал исправление своей должности приведением генерально всех здешних сухопутных и морских сил в такую готовность и состояние, чтоб тотчас все в движение прийти и каждый полк в 24 часа в поход выступить мог. Понеже теперь должность и упражнение подобного тайного военного совета почти генерально всю политическую систему в себе заключать имеют, то, кого бы ее и. в-ство и сколько членами оного назначить ни соизволила, канцлеру и вице-канцлеру в том числе быть нужно".

Требование канцлера было исполнено, совет был учрежден, только не под именем тайного военного. Но Бестужев не получил себе от него никакой пользы, потому что раз уже сбился с прямого пути, тогда как противники его шли твердо этим путем. 14 марта созвана была при дворе конференция из следующих особ: великого князя Петра Федоровича, графа Алексея Бестужева-Рюмина, брата его графа Михайлы (летом 1755 года приехавшего в Петербург), генерал-прокурора князя Трубецкого, сенатора Бутурлина, вице-канцлера Воронцова, сенатора князя Михайла Голицына, генерала Степана Апраксина и братьев графов Шуваловых, Александра и Петра. В конференции присутствовала сама императрица и объявила, что для произведения с лучшим успехом и порядком весьма важных дел и для скорейшего исполнения ее повелений призванные лица должны собираться каждую неделю по два раза, а именно по понедельникам и четвергам.

30 марта конференция в исполнение указа императрицы постановила следующее: 1) с венским двором немедленно приступить к соглашению и склонять его, чтоб он, пользуясь нынешнею войною Англии с Франциею, напал на прусского короля вместе с Россиею. Представить венскому двору,

что так как с русской стороны для обуздания прусского короля выставляется армия в 80000 человек, а в случае нужды употребятся все силы, то императрица-королева имеет в руках самый удобный случай возвратить завоеванные прусским королем в последнюю войну области. Если императрица-королева опасается, что Франция отвлечет ее силы в случае нападения на короля прусского, то представить, что Франция занята войною с Англиею и Австрия, не мешаясь в их ссору и не подавая Англии никакой помощи, может убедить и Францию к тому, чтоб она не вмешивалась в войну Австрии с Пруссиею, чему Россия будет содействовать с своей стороны, сколько возможно, и для того 2) здешним при чужих дворах находящимся министрам приказать, чтоб они с французскими министрами ласковее прежнего обходились, одним словом, все к тому вести, чтоб венскому двору безопасность со стороны Франции доставить и склонить этот двор к войне с Пруссиею. 3) Польшу исподволь готовить, чтоб она проходу русских войск чрез свои владения не только не препятствовала, но и охотно бы на то смотрела. 4) Стараться турок и шведов держать в спокойствии и бездействии; оставаться в дружбе и согласии с обеими этими державами, чтоб с их стороны не было ни малейшего препятствия успеху здешних намерений относительно сокращения сил короля прусского. 5) Последуя сим правилам, идти далее, а именно, ослабя короля прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным; усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ним против турок более важным и действительным. Одолживши Польшу доставлением ей королевской Пруссии, взамен получить не только Курляндию, но и такое округление границ с польской стороны, благодаря которому не токмо пресекутся бы нынешние беспрестанные об них хлопоты и беспокойства, но, быть может, и получен был бы способ соединить торговлю Балтийского и Черного морей и сосредоточить всю левантскую торговлю в своих руках.

В начале апреля в конференции было решено так расположить войска и приготовить их к военным действиям, чтоб по требованию обстоятельств могли немедленно выступить в поход. Для этого определено расположить около Риги в Курляндии и по Двине 28 пехотных полков, которые заключали в себе всех чинов 73132 человека. Шесть кирасирских полков, четыре гусарских, 4000 донских козаков и чугуевскую команду расположить при Кокенгаузене и в прочих близлежащих местах по Двине и ко Пскову. Конногренадерских пять полков и драгунских четыре с 4000 донских и 4000 слободских козаков, с 4000 волжских калмыков, 2000 мешеряков и башкирцев и 1000 казанских татар расположить от Чернигова, Стародуба, Брянска до Смоленска. Всего войска должно быть 111563 человека, и войско это должно быть так всем снабжено и удовлетворено, чтоб могло по первому указу не только в поход выступить, но и начать военные операции. В Ревель для посажения на галеры отправить из Петергофа и Стрельны три пехотных полка, содержащие 7887 человек, да до 500 донских козаков. Когда все эти войска выступят за границу, то в Курляндию немедленно двинутся полки из Новой Ладogi, Старой Ладogi,

Шлюссельбурга, Копорья, в которых 10516 человек, да в Курляндии же останется некоторое число козацкого войска: этот курляндский корпус должен служить, во-первых, резервом, а во-вторых, поддерживать беспрепятственное сообщение с войсками, которые будут находиться за границую. Чтоб армия имела в запасе лишних лошадей на всякий случай, нарядить 5000 украинских козаков о двуконь. Внутри государства кроме гвардии и нерегулярных войск должно остаться полевых, гарнизонных и ландмилицких полков 112, два эскадрона и пять батальонов и в них людей всех чинов 161795 человек. Иностранной и Военной коллегиями предписано стараться умножать дезертирование в прусской армии и привлекать дезертиров в русскую на том основании, что прусский король забирал тайно и насильно русских подданных и удерживал их, а на сделанные ему представления отвечал, что между Россиею и Пруссиею нет картеля.

Так как в Пруссии нет русского министра, а сведения оттуда получать необходимо, то Иностранной коллегии предписано отправить под именем курьеров надежных и способных офицеров в Дрезден, Гамбург и Данциг с таким наставлением, чтобы они проездом туда и обратно старались сколько можно точнее разведывать о военных движениях и приготовлениях в Пруссии; чтоб каждый из них ехал особливою дорогою: чего одному узнать не удастся, то от другого не утаится; важных депеше ними не посылать, и наставление дать им изустно.

Желания сократить силы короля прусского не могли ослабить показания тобольского посадского Ивана Зубарева, который содержался по разным делам в Сыскном приказе, бежал оттуда, жил за границую, возвратился и был схвачен у раскольников. Зубарев показал в Тайной канцелярии, что после бегства из Сыскного приказа он жил у раскольников в слободе Ветке, откуда в 1755 году поехал извозчиком в Кенигсберг с товарами русских беглых купцов-раскольников. Здесь прусские офицеры, по обычаю, начали вербовать его в солдаты в гвардию, и когда он согласился, то его отвезли в Потсдам. Через посредство Манштейна, бывшего адъютантом у Миниха и по воцарении Елисаветы перешедшего в прусскую службу, Зубареву было предложено ехать к раскольникам и возмущать их в пользу Ивана Антоновича. "Послужи за отечество свое, говорил Манштейн Зубареву, - съезди в расколичьи слободы и уговори раскольников, чтоб они сами склонились к нам и помогли вступить на престол Ивану Антоновичу; а мы по их желанию будем писать к патриарху, чтоб им посвятить епископа, у нас был их один поп, да обманул нас и уехал. А как посвятим епископа, так он от себя своих попов по всем местам, где есть раскольники, разошлет, и они сделают бунт. Ты подай только весть Ивану Антоновичу, а мы в будущем 756 году весною пошлем туда к Архангельску корабли под видом купечества, чтоб выкрасть Ивана Антоновича. А как мы его выкрадем, то чрез епископов и старцев сделаем бунт, чтоб возвесть Ивана Антоновича на престол, а Иван Антонович старую веру любит; когда сделается бунт, то и мы придем с нашим войском к русской границе. А донские козаки к нам

совсем склонны, и у нас они есть, которые бывали со мною в походах, и мне они надежны. Когда будешь в Польше, заезжай в раскольничьи слободы опять и объяви тамошним наставникам, чтоб они без всякой боязни к нам были склонны". Зубарев согласился принять оба поручения - ехать к раскольникам и, согласясь с ними, ехать в Холмогоры дать знак Ивану Антоновичу, что за ним будет прислан корабль из Пруссии. Он был представлен самому Фридриху II и получил 1000 червонных и две медали, по которым принц Антон должен был ему поверить, ибо никакого письменного документа не хотели ему дать. Приехавши в раскольничьи слободы, Зубарев начал исполнять свое поручение. Игумены раскольничьих монастырей спрашивали его: "Да как же вы Ивана Антоновича посадите на царство?" "Так же посадим, как и государыня села", - отвечал Зубарев. Относительно архиерея игумены говорили: "Лучше бы, если б его величество изволил прислать сюда епископа греческого, а туда очень ехать далеко". Наконец, раскольники стали говорить ему: "Пора тебе ехать выручать Ивана Антоновича; и как вас Бог вынесет, то мы стоять готовы". Но Зубарев вместо Холмогор попал в Петербург в Тайную канцелярию. Показания его имели следствием то, что, как мы видели, Ивана Антоновича перевезли тайком из Холмогор в Шлюссельбург.

Соглашения с венским двором о прусской войне пошли не так успешно, как бы того желалось. В Вене опасались, чтоб Россия своею горячностью не подала Фридриху II повода предупредить Австрию и напасть на нее со всеми своими силами. Эстергази в донесениях своему двору изображал черными красками состояние русского войска, для командования которым нет ни одного порядочного генерала. С одной стороны, мало надеялись на успехи русского войска, боялись, что прусский король, легко отделавшись от последнего, направит все свои силы против Австрии, которая еще не вполне готова; с другой стороны, Франция решительно отказывалась помогать войском в наступательной войне Австрии против Пруссии, почему Австрия и предпочитала дожидаться нападения Фридриха II, ибо тогда Франция по договору будет обязана помочь ей войском. 29 мая Эстергази объявил в Петербурге, что императрица-королева не может начать войны с Пруссией нынешним летом; тут же Эстергази открылся о заключении Версальского договора между Австриею и Франциею и выразил желание, чтоб Россия употребила все усилия склонить Францию смотреть спокойно на сокращение сил прусского короля. Вследствие этих сообщений в конференции 4 июня было постановлено: так как, несмотря на трудности, находимые венским двором, намерение ее величества неотменно, чтоб во время нынешней между Англиею и Франциею войны, не упуская этого удобного случая, трудиться над сокращением сил короля прусского, то объявить венскому двору следующее: откровенное сообщение оборонительного договора, заключенного между Австриею и Франциею, и внимание, с каким венский двор исключил ее величество из условия не сообщать этого договора никому до ратификаций, очень приятны императрице, тем более что это важное дело, согласное с интересами императрицы-королевы, согласно со мнениями и ее

императорского величества всероссийского. Соглашение венского двора с французским призывает ее императорское величество формально к приступлению к упомянутому союзу ее величество почитает новым опытом старания венского двора не удаляться от дружбы с Россиею, почему и будет ожидать этого формального приглашения, дабы тогда на самом деле показать готовность к исполнению желаний императрицы-королевы. Ее величество согласна возобновить сношения с французским двором посредством взаимного отправления министров, но отнюдь не может согласиться сделать первый шаг, тем более что Франция отозванием своего министра первая подала повод к прекращению сношений. Ее величество согласна на то, чтоб французский и русский министры были назначены в один день. Хотя императрица признает справедливость оснований, по которым венский двор считает невозможным начать войну нынешним летом, однако по союзнической откровенности не хочет и скрыть, что после той горячности, с какою сделаны об этом деле первые сообщения, и после той серьезности, с какою ее величество вступила в виды императрицы-королевы и уже столько сделала, что занесенный на короля прусского с ее стороны удар только опустить оставалось, ей прискорбно, что успех не соответствует еще общему желанию. Несмотря, однако, на сожаление, что издержки на военные приготовления употреблены были несколько рановременно, императрица соглашается с желанием венского двора, чтоб здешние приготовления и движения не были так казисты, почему и отправлены указы остановить движение войск. Но ее императорское величество надеется, что это новое распоряжение не послужит к уменьшению оказанной до сих пор ревности относительно сокращения сил прусского короля; императрица-королева, конечно, примет в уважение, что, сколько русские интересы требуют обеспечения со стороны короля прусского, настолько же от сокращения сил его зависят благосостояние и безопасность австрийского дома; не потерять времени при этом особенно важно, ибо если теперь без предварительного согласия Франции кажется трудным атаковать короля прусского, то это будет уже совершенно невозможно, когда между Англиею и Францией) заключен будет мир. Правда, необходимо надобно стараться склонить Францию, чтоб она спокойно смотрела на сокращение сил короля прусского, но особенно надобно обратить внимание на то, надобно ли открывать Франции все, что здесь имеется в виду.

2 июля конференция в присутствии Елисаветы постановила дать знать Эстергази, что медленность относительно принятия мер против короля прусского беспокоит императрицу. Благодаря этой медленности он получает время привести себя в надлежащее оборонительное состояние и укрепить себя еще какими-нибудь новыми союзами. Он начал вдруг делать большие военные приготовления в такое время, когда узнал, что здешние движения остановлены; как видно, он хочет лучше предупредить, чем быть предупрежденным. Прискорбно ее величеству видеть, что дружбы ее почти со всех сторон ищут, и, однако, она принуждена оставаться в некоторой нерешительности относительно выбора. Натуральная ее величества

склонность и интересы делают союз ее с императрицею-королевою неразрывным; поэтому ее величество соизволяет и на ближайшее соглашение с французским двором; только надобно признаться, что основание этого соглашения будет очень слабо, если все ограничится одною обсылкою министров и восстановлением непосредственной корреспонденции. Для этого не стоило бы уничтожать все обязательства с Англиею и лишиться довольно значительных сумм, которые следовало получить от этой державы. Правда, поведение Англии относительно короля прусского заслужило справедливое негодование ее величества; но теперь раскаяние английского двора и готовность его удовлетворить всем желаниям императрицы не могут быть отвергнуты, если французский двор с своей стороны не вознаградит этой потери совершенным покинанием короля прусского. Поэтому министерство ее величества просит господина посла постараться, чтоб императрица-королева решительным объяснением привела наконец здешний двор в состояние знать, чего держаться, а русским сухопутным и морским силам вновь даны секретные указы находиться готовыми к походу, так что в случае надобности еще нынешним годом можно предпринять что-нибудь важное.

II августа Эстергази сообщил опасения своего двора, чтоб король прусский не напал нечаянно на Богемию или Моравию. Конференция постановила отвечать ему, что русские войска до самого расположения на зимние квартиры будут готовы к походу, да и при расположении на зимние квартиры будет сделано так, чтоб значительный корпус мог собраться и предпринять что-нибудь важное. Но опасения являлись и насчет другой страны кроме Богемии и Моравии. Мы видели, что отношения русского двора к польско-саксонскому в последнее время были не очень дружественны. В конференции 26 марта были признаны необходимыми решительные меры для поддержки людей, которые называли себя членами русской партии, против партии придворной. Литовский канцлер князь Чарторыйский дал знать, что имеющийся быть в Литве трибунал или поправит дела, или кончится явным возмущением всего королевства; поэтому решили, что нельзя ожидать спокойно и равнодушно приближения времени, когда откроется трибунал, и что надобно послать воеводе русскому князю Чарторыйскому давно желанную им обнадеживательную грамоту императрицы с уверением, что ее величество не допустит никакой новизны в Польше, намерена сохранять польские права и вольности и защищать своих доброжелателей, особенно фамилию Чарторыйских. Кроме этой грамоты канцлер должен написать и к остальным членам русской партии такого же рода письма, равно как и некоторым другим значительным лицам, не принадлежащим к русской партии; посланнику Гроссу велеть сделать польско-саксонскому двору наисильнейшие представления, чтобы он старался сократить излишне данную гетманам власть, отвращать всякие насильства, могущие быть при трибунале, и сохранять права королевства во всей их целости. Секретарю посольства Ржичевскому, заведовавшему собственно польскими делами в Варшаве, велено было уведомить канцлера Малаховского, что по его представлению

скоро придется к ним другой министр, *отличная персона*, главным образом для подкрепления их партии. Для разведывания склонности поляков относительно короля прусского и о намерении их насчет престолонаследия положено отправить генерал-квартирмейстера лейтенанта Веймарна с жалованьем по 200 рублей в месяц и 1000 рублей на дорогу да отправить с ним к литовскому канцлеру 6000 червонных для нужнейших расходов к пользе высочайших интересов.

Ржичевскому велено было уведомить Малаховского о присылке "отличной персоны": значит, Гроссом были недовольны, и это служило также признаком падения силы канцлера Бестужева. Гросса вывел и поддерживал Бестужев; Ржичевского поддерживал Воронцов. В конце 1754 года киевский митрополит Тимофей писал канцлеру, что, по мнению слуцкого архимандрита Козачинского, едва ли Ржичевский, будучи сам католик, может сделать что-нибудь в пользу православия и не лучше ли назначить на его место капитана русской службы Глинского, кальвиниста, который будет усерднее действовать в пользу православных, потому что не будет бояться католического духовенства. На это Бестужев отвечал: "Хотя я и довольно понимаю, что паписту против папистов действовать невозможно по русской пословице: ворон ворону глаза не выклюнет; но решение сего дела от меня не зависит". Здесь находится заметка канцлера: "Подлинно имело бы зависеть только от канцлера перевести секретаря из одного места в другое; но теперь канцлер о Ржичевском ниже упомянуть в коллегии смеет по великому множеству пристрастных ему патронов, коими доньше в молчании оставлен, а наименьше отправлен указ к нему, Ржичевскому, хотя против справедливости оного ничего предъявить не имели". Указ заключал в себе строгий выговор, как смел Ржичевский накидывать подозрение на Гросса за его тесную дружбу с Брюлем и Мнишком.

Гросс вследствие решения конференции повторил Брюлю, что по дружеским и благонамеренным советам императрицы королю надобно было бы восстановить прежний порядок возвращением своего доверия старым искусным министрам и патриотам и освобождением их от гетманских притеснений, а гетманов сдерживать в пределах, предписанных варшавским трактатом, гарантированным Россиею, ибо соблюдение этого трактата во всех пунктах есть лучший способ для сохранения тишины в Польше. Гросс заключил свою речь словами, что повторяет об этом вследствие нового приказания императрицы. "Если бы вы сто раз повторили эти представления, - отвечал Брюль, - то я все буду отвечать прежнее, что король никаких притеснений не желает, что старается повсюду держать власть гетманов в надлежащих границах, целый год не исполняет ни одной из просьб гетмана Браницкого, а при учреждении виленского трибунала то же сделал относительно литовского гетмана князя Радзивила; король готов возвратить свою милость и князьям Чарторыйским, если они переменят свое поведение; но пусть императрица сама беспристрастно рассудит, можно ли ожидать от короля, чтоб он возвратил свое доверие людям, которые не стыдятся письменно разглашать

в Польше, что принудят к тому своего государя силою русского оружия, которые беспрестанными жалобами при вашем дворе злостно стараются произвести холодность между императрицею и королем, которые не только стараются возбудить смуту в своем отечестве, но и вредят интересу самой императрицы в Польше, вселяя в народе недоверие и страх пред русским оружием и подавая повод французским сторонникам кричать, что императрица хочет самодержавно управлять Польшею, принуждая короля отставлять одних министров и брать других, каких ей угодно".

Когда донесение Гросса об этом разговоре было прочтено в конференции 24 июня, то здесь постановлено дать знать Иностранной коллегии, что так как она из реляции Гросса, конечно, усмотрела, в каких грубых и непристойных терминах отвечал ему граф Брюль, и так как подобный поступок в молчании и терпеливо не может быть перенесен, а выговоры через посланника Гросса поведут только к большему огорчению и к личной вражде между ним и Брюлем и чрез то ко вредной холодности между дворами без малейшего исправления дела, то положено дать знать секретарю саксонского посольства Прассу, как этот поступок был неожидан и впредь еще меньше ожидается, почему и оставляется без надлежащего ответа для избежания наималейшего повода к холодности, столь же вредной обоим дворам, сколько дружба между ними естественна и полезна.

Ссориться действительно было не время. Мы видели, что Фридрих II, заключая союз с Англиею, надеялся не только предохранить себя от нападения со стороны России, но и войти с нею опять в дружественные сношения. Он говорил английскому посланнику Митчелю: "Я хочу выполнить свои обязательства относительно вашего государя, и в случае если покой в Германской империи будет нарушен вследствие союза между Франциею и Австриею, то я буду действовать против этих держав сообща с английским королем. Но уверены ли вы в русских?" "Король, мой государь, думает, что можно быть уверену на их счет", - отвечал Митчель. Потом, поговоря несколько времени о другом, король опять спросил: "Совершенно ли вы уверены в русских?" Получивши ответ утвердительный, хотя и не без некоторой сдержанности, Фридрих стал считать силы, какие могли выставить воюющие стороны. "У меня, - говорил он, - 100000 войска, да если прибавить сюда еще 30000 русских?" Русские войска могут сесть на суда в лифляндских и курляндских гаванях и выйти на берег в Ростоке. Из повторения вопроса насчет России Митчель догадался, что Фридрих получил из Петербурга не столь благоприятные известия, чем те, которыми убаюкивал свое правительство Уильямс. Вот почему Митчель и решился отвечать с некоторою сдержанностью. В мае месяце Фридрих высказал Митчелю новые сомнения относительно колеблющейся политики русского двора. "Если, - говорил он, - на Германию нападут чужие войска, то я выполню свои обязательства относительно Англии и облегчу высадку 30000 русского войска в Ростоке или Штетине. Но, признаюсь, мне будет очень неприятно видеть чужое войско в Германской империи, и я надеюсь,

что русские не придут, если в них не будет настоящей нужды. Впрочем, они могут тогда служить залогом верности России и препятствовать, чтоб это государство не приняло сторону наших врагов". В июне Фридрих получил известие из Гаги, что Россия отказывается от своих обязательств с Англиею; по этому случаю он писал: "Все это дело зависит от двух условий: если английскому королю удастся удержать при себе Россию, Германия останется спокойною и нам нечего будет бояться. В противном случае надобно обратиться к туркам и сыпать между ними деньги, чтоб они сделали отвлечение. Я думаю, что нельзя терять времени, и если не принять заблаговременно своих мер в Константинополе на случай, если нам не удастся в Петербурге, то всякие меры уже опоздают". В половине июля Фридрих высказал Митчелю убеждение, что Россия совершенно для них потеряна, ибо Австрия готовится к войне в Богемии и Моравии; о намерениях своего двора проговорились также некоторые австрийские министры и генералы. "Для меня, - говорил Фридрих, - нет другого спасения, как предупредить врага; если мое нападение будет удачно, то этот страшный заговор исчезнет как дым; как скоро главная участница так будет снесена, что не будет в состоянии вести войну в будущем году, то вся тяжесть падет на союзников, которые, конечно, не согласятся нести ее". Король стал соображать пред Митчелем все известия, им полученные, и по его выходило, что Австрия хочет напасть на него. Митчель, не могши поколебать этого убеждения, предложил, что прежде принятия решительных мер он может потребовать объяснения, действительно ли Австрия хочет напасть на него. Сначала Фридриху очень не понравилось это предложение. "Из этого ничего не выйдет хорошего, - отвечал он, - я получу только оскорбительный ответ". "Чем вышемернее будет ответ, тем лучше, - возражал Митчель, - вы на нем не успокоитесь, только Европа должна будет убедиться в мирных расположениях с вашей стороны и враждебных со стороны австрийской". "Нет, - с горячностью говорил король, - это не поможет, а только испортит дело. Вы не знаете этих людей: они еще больше загордятся, а я им не уступлю". Так было говорено в полдень; а вечером Фридрих сказал Митчелю: "Я подумал о вашем совете и последую ему. Но объявляю вам заранее, что я не ожидаю ничего хорошего и, клянусь Богом, не уступлю этим людям".

Прусский посланник в Вене испросил аудиенцию у Марии-Терезии и от имени своего короля предложил вопрос: движение войск в Богемии и Моравии делается с целью напасть на Пруссию или нет? Мария-Терезия отвечала: "Сомнительное положение европейских дел заставило меня принять меры для собственной безопасности и для защиты союзников; но эти меры не клонятся ни к чьему вреду. Так и скажите королю, вашему государю". Но Фридрих этим не удовольствовался, его посланник попросил другой аудиенции для получения более определенных объяснений; ибо не владениям императрицы или ее союзников, но владениям прусского короля грозит нападение. Король наверное знает, что императрица в начале этого года заключила наступательный союз с Россиею: положено с 200000 войска внезапно напасть на Пруссию;

исполнение договора отсрочено до будущего года, потому что у русского войска недостает рекрут, у флота - матросов и для их прокормления нет хлеба в Финляндии. Императорский двор отложил войну до весны будущего года, и так как король получает отовсюду известия о сборе австрийских войск, то он считает себя вправе требовать от императрицы формального и категорического объявления, что она не имеет намерения напасть на него ни в этом году, ни в будущем, будет ли это заверение письменное или изустное, сделанное в присутствии посланников французского и английского, для короля все равно. Надобно знать, в войне мы или в мире; если намерения императрицы чисты, то теперь самый удобный случай объявить их; но если королю дадут ответ на языке оракула, ответ нерешительный, из которого нельзя будет ничего заключить, то на императрицу падет ответственность за последствия.

У прусского посланника требовали этого запроса на письме и письменно отвечали: "Уже давно король прусский занимается военными приготовлениями в широких размерах, как вдруг ему показалось нужным потребовать у императрицы объяснения военных приготовлений, которые начались в ее владениях только вследствие прусских приготовлений. Привыкши сохранять уважение, которым государи обязаны друг к другу, с изумлением узнала она содержание записки, поданной прусским посланником. По содержанию и по форме она такова, что императрица была бы принуждена перейти границы умеренности, если бы стала отвечать на все, в ней содержащееся. Но она объявляет одно: что известия о наступательном союзе между нею и Россией и условия этого союза ложны, выдуманы, что такого договора против Пруссии не существует и не существовало прежде".

Из сличения всех этих известий с ходом переговоров между Россией и Австриею, как он представляется по нашим источникам, ясно видно, что Фридрих II имел ложные понятия об отношениях между двумя императорскими дворами; эти отношения представлялись ему в превратном виде; ему казалось, что Австрия побуждает Россию к скорейшему начатию войны, а Россия оттягивала войну до будущего года вследствие дурного состояния своей армии и флота, тогда как мы знаем, что дело было наоборот. Мы знаем, что у Фридриха были шпионы в Берлине и Дрездене, ибо он сам на них указывает; но мы видим, что эти шпионы сообщали ему неверные известия, а потому нет никакого основания предполагать, что он получал эти неверные известия из Петербурга прямо или посредством: прямо от великого князя Петра Федоровича или чрез посредство канцлера Бестужева, который будто бы открыл все тайны саксонскому поверенному в делах Функу, тот донес своему двору, а дрезденский шпион донес Фридриху II.

Как бы то ни было, Фридрих в своей тревоге за Силезию нашел, что ответ Марии-Терезии неудовлетворителен, и решился начать войну. "Было вероятно, - говорит он сам, - что в этом году враги Пруссии не начнут

войны, ибо петербургский двор хотел отложить ее до следующего года, и было очевидно, что императрица-королева будет дожидаться, пока все ее союзники приготовятся напасть на прусского короля соединенными силами. Эти соображения повели к вопросу: что выгоднее - предупредить неприятеля, напавши на него сейчас же, или дожидаться, пока он кончит свои великие сборы. Как бы ни решен был этот вопрос, война была одинаково верна и неизбежна; итак, надобно было рассчитать - выгоднее ли отложить ее на несколько месяцев или начать сейчас же. Король польский был одним из самых ревностных членов союза, который императрица-королева образовала против Пруссии. Саксонское войско было слабо, в нем считалось около 18000 человек; но было известно (?), что в продолжение зимы это войско должно было увеличиться и что хотели довести его до 40000 человек. Что касается страшного названия зачинщика войны, то это пустое страшило, пугающее только робкие умы. Не следовало обращать на него никакого внимания в таких важных обстоятельствах, когда дело шло о спасении отечества, о поддержании Бранденбургского дома. Задерживаться пустыми формальностями в таком важном случае было бы в политике непростительной ошибкой. При обычном течении дел не надобно удаляться от этих формальностей, но нельзя подчиняться им в случаях чрезвычайных, где нерешительность и медленность могли все погубить и где можно было спастись только быстротою и силой".

Из этих слов понятно, почему в Петербурге называли Фридриха *скоропостижным* государем и считали самым опасным соседом, силы которого необходимо сократить.

Для нападения на Австрию Фридрих составил две армии: одна под начальством фельдмаршала Шверина должна была идти в Богемию к Кёнигсгрецу; другая должна была под начальством самого короля вступить в Саксонию, обезоружить тамошние войска, если застанет их рассеянными по квартирам, или разбить их, если найдет в сборе, чтобы при движении в Богемию не иметь в тылу неприятеля.

В конце июня австрийский министр в Дрездене граф Штернберг получил от австрийского же министра в Берлине известия о чрезвычайных военных приготовлениях прусского короля. О том же самом писал саксонский министр в Берлине к графу Брюлю. Брюль, сообщая эти известия Гроссу, сказал, что прусские приготовления, с одной стороны, проистекают из страха перед движением русских войск и перед договором, заключенным в Версале между Австриею и Франциею; но с другой стороны, может стать, что Фридрих II захочет предупредить нападения и первый нападет на австрийские владения, именно на Богемию и Моравию. Если по примеру 1744 года он захочет вторгнуться в них чрез Саксонию, то саксонское правительство хотя по слабости своей армии и не может воспрепятствовать проходу пруссаков, однако в исполнение обязательств своих с императрицею-королевою соберет войско и станет ожидать удобного и

безопасного случая, причем желает знать, какое решение примет русский двор, ибо польский король во всем намерен подражать России.

В конференции 8 июля положено было приказать Гроссу отвечать Брюлю, что русские войска собраны в Лифляндии для немедленного подания помощи верным союзникам и особенно для удержания короля прусского, как государя очень предприимчивого и *скоропостижного*, от нечаянного на них нападения, причем области его польского величества включаются в это великодушное намерение. Гросс должен прибавить, что всякий другой государь при таких обстоятельствах оставил бы в покое соседей и был бы рад, что его самого в покое оставили; но не таков король прусский: если он действительно уверился, что императрица-королева хочет сделать на него нападение, то, хотя бы он подлинно знал, что мы ей помогать будем или не будем, в обоих случаях интерес его требует долго в страхе не оставаться, но каким-нибудь сильным и внезапным ударом привести венский двор в расстройство и бессилие. Положение дрезденского двора при таких обстоятельствах чрезвычайно критическое: самая меньшая опасность ему от насильственного прохода прусских войск чрез Саксонию, потом возвращения в случае неудачи, влекущего погоню неприятельских войск, вследствие чего Саксония делается театром войны; и так как Саксония одним своим средством не может препятствовать проходу прусских войск, то от польского короля зависит предупредить разорение своих владений, взявши в Саксонию от 30 до 35000 русского войска, причем он должен довольствоваться их только квартирами, а провиантом и фуражом наполовину, за остальную же половину получит деньги.

И тут поведение австрийского двора произвело сильное раздражение при петербургском: Эстергази уклонился от переговоров о введении русского войска в Саксонию. Потом Эстергази старался оправдать поведение своего двора тем, что благодаря его умеренности и осторожности Франция приведена в необходимость подать ему помощь по Версальскому договору, а король прусский лишается всякого предлога требовать помощи от кого бы то ни было, будучи неоспоримо зачинщиком смуты. В конференции 28 августа решено было объявить Эстергази: императрица не может вспомнить без сожаления о чрезмерной умеренности относительно прусского короля как такого государя, который сам ее ни в чем не имеет; благодаря этой достойной сожаления умеренности Австрия требовала, чтобы Россия не делала приметного вооружения и движения войск, и посол австрийский отказался от переговоров о введении русского войска в Саксонию. Если бы императрица в том и другом случае не была удержана желанием поступать во всем единодушно с императрицею-королевою, то король прусский не решился бы на такие нестерпимые угрозы, какие он теперь себе позволил. Австрия не опасалась бы его нападения, и по меньшей мере русская многочисленная армия была бы готова следовать за ним по пятам; Саксония не была бы в такой заботе, как теперь, по меньшей мере знала бы, чего держаться, и знали бы оба императорские двора, чего от нее надобно ожидать. Императрица с сожалением видит, что теперь дело

уже в том состоит, чтоб опасность, грозящую ее дражайшей союзнице, только уменьшить, потому что король прусский, будучи в совершенной готовности, воспользуется удобным временем, когда наступающая осень воспрепятствует походу русских и французских войск. Для уменьшения этой опасности вновь посланы указы войскам быть готовыми к походу, и, несмотря на позднее годовое время, значительная часть их придвинется к прусским границам и часть флота выйдет в море для наблюдения за прусскими берегами и для содержания с этой стороны прусского короля в некоторой тревоге.

Мнения конференции оправдались. 2 сентября в ней читалось донесение Гросса от 18 августа, что прусский посланник в Дрездене Мальцан, выпросивши аудиенцию у короля Августа, объявил, что его король видит себя вынужденным поступками Марии-Терезии напасть на нее в Богемии, куда войско его направится через Саксонию; для этого велено ему, Мальцану, требовать свободного прохода для прусского войска с таким изъяснением, что будет соблюдена добрая дисциплина и, сколько обстоятельства позволят, Саксония будет пощажена, король и его фамилия могут обещать себе всякую безопасность, причем, однако, не следует удивляться, если его прусское величество, помня события 1744 года, примет свои меры, чтоб они не повторились. Август III отвечал, что на такое неожиданное предложение он не может ничего объявить без совещания. Вслед за этим донесением Гросса пришло другое - от 19 августа, что прусское войско уже в Саксонии, захватывает замки, арсеналы, магазины, обезоруживает городских солдат, платит за все вместо наличных денег одними квитанциями, не позволяет саксонцам вносить подати в казну курфирста. Король Август удалился к войску; расположенному между Пирною и Кенигштейном, и твердо намерен все претерпеть и только заботиться о сохранении своего войска.

По получении этих известий 13 сентября конференция постановила ободрить короля Августа и отвратить замешательство в Польше, для этого двинуть армию, которая должна подать помощь союзникам, и в то же время поддержать спокойствие в Польше; а между тем Гросс должен уверить саксонский двор в возможно скорой по годовому времени помощи и объявить, что императрица велела выдать королю Августу из своей казны 100000 рублей. Самому Гроссу положено переслать 10000 рублей на чрезвычайные издержки. Находящимся в Польше Веймарну и секретарю посольства Ржичевскому предписать внушать полякам, что они, согласно попечениям императрицы о Польше, должны пресечь все несогласия между фамилиями и не руководиться частными интересами, когда идет дело о благосостоянии отечества, которое подвергается опасности больше, чем когда-либо. Король прусский хотя, по-видимому, в походе своем и удаляется от Польши, но это только для того, чтоб тем надежней нанести ей удар. Государь, который не задумался без всякой причины против всенародных прав, против собственных обещаний отнять Саксонию у природного государя, легко покусится и лишит его короны. Кто знает, не

в этом ли бесчеловечном намерении решился он на все варварства, чтоб жизнь короля Августа прекратилась от несносной печали. Политика его этого требует, а поведение его всего опасаться заставляет. Очень легко может быть, что он замышляет завести в Польше конфедерацию, Польшу против Польши поставить и занять Россию ее успокоением: иначе как бы он решился идти в Саксонию, оставляя границы свои открытыми с русской стороны? Если, к общему сожалению, король Август преставится, императрица главным образом будет заботиться о том, чтоб республика не встретила ниоткуда препятствия в свободном выборе нового короля. При этом Веймарн и Ржичевский должны только слегка, и то надежным приятелям, рекомендовать наследного принца саксонского, чтоб рановременно и напрасно не подать повода к представлению многих других кандидатов.

Движение русского войска не могло принести пользы польскому королю. Войско его принуждено было сдаться пруссакам; Дрезден был занят ими, и Август III покинул свое наследственное владение и уехал в Варшаву.

В такой беде наследная принцесса саксонская обратилась к Елисавете с просьбою купить несколько ее бриллиантовых вещей. Императрица, как сказано в ее указе Иностранной коллегии, "так чувствительно это приняла", что приказала доставить принцессе 20000 рублей в знак дружбы и истинного участия в их жалостном положении.

По приезде в Варшаву король объявил Гроссу, что после Бога он всю свою надежду полагает на скорую помощь императрицы. Брюль уверял, что король не сделает ни одного шага без согласия и присоветования императрицы, что будет объявлено чрез его посла, отправляемого в Петербург; на этот пост король избрал стольника литовского графа Понятовского как человека, который, будучи прежде в Петербурге в свите английского посла Уильямса, умел заслужить благоволение императрицы; выбор этот сделан "для того, чтоб доказать возвращение королевского благоволения к князьям Чарторыйским, потому что Понятовский их племянник". В самом деле, доносил Гросс, не только сам король очень милостиво и ласково принимает князей Чарторыйских и друзей их, но и графы Брюль и Мнишек внешним образом обходятся с ними чрезвычайно дружески.

Против посылки Понятовского в Петербург вооружился французский министр в Варшаве Дюран на том основании, что фамилия стольника враждебна Франции и сам Понятовский находится в дружбе с английским послом Уильямсом, что может вредить восстановленному согласию между Россиею и Франциею. На донесение об этом сопротивлении Дюрана Гросс получил удививший его рескрипт императрицы: "Так как присылка Понятовского и с нашим желанием несходна и допускается единственно потому, что не может быть отвращена с благопристойностью, то Гросс должен показывать себя в этом деле совершенно равнодушным и дать

знать Дюрану, что императорский двор также совершенно равнодушен и не отказывается принять Понятовского только потому, что не хочет опечалить короля, тогда как дело, собственно, не имеет никакой важности".

Самым важным вопросом в Польше по отношению к русским интересам был теперь вопрос о свободном проходе русских войск через владения республики. В конце ноября Гросс объявил королю, что императрица ему непременно поможет, и сильно поможет, хотя, быть может, и не так скоро, от него же желает одного, чтоб его величество старался примирить польские партии, принуждая каждого к исполнению своей должности, и чтоб проход русских войск не встретил препятствий. Король отвечал, что очень трудно привести столько голов к единомыслию, впрочем, не видит, чтоб кто-нибудь имел намерение препятствовать проходу русских войск. Гросс заметил, что если сам король серьезно предложит борющимся партиям о примирении, то это произведет сильное действие. Король отвечал, что сделает все возможное.

Графу Брюлю Гросс открыл в высшем секрете настоящий взгляд своего двора на назначение Понятовского послом в Петербург. Брюль отвечал, что король никогда бы его не выбрал, если б не полагал, что он будет приятнее всех других императрице; что теперь, когда уже Понятовский отправил свой багаж, когда уже ему вручены инструкции и кредитив, когда уже он простился с королем, отменить дела нельзя. Впрочем, король прежде всего взял с Понятовского обещание, что он, несмотря на свою прежнюю дружбу с английским послом, будет прямо против него действовать и никакого подозрения на себя не навлечет; если же он своим поведением окажется неудобным императрице, то король немедленно его отзовет. Потом зашла речь о дядюшках Понятовского князьях Чарторыйских. Брюль говорил: "Императрица советует королю содержать всех вельмож равно, не оказывать ни одному предпочтения; король и сам считает это основным правилом своего поведения; но когда я стану говорить об этом равенстве с князьями Чарторыйскими, то они отвечают, что тот, кто хочет иметь всех приятелями, ни одного приятеля не имеет; они хотят властвовать одни, но этим они, разумеется, уничтожили бы власть королевскую". Гросс писал: "Я не мог возражать Брюлю, потому что недавно на конференции у кастеляна краковского, когда я стал говорить о необходимости равенства в республике, то князья Чарторыйские горячо против этого спорили, утверждая, что равенство подаст только повод к мятежам".

Чтоб понять эти объяснения относительно Понятовского, надобно перенестись к петербургскому двору, который во все это время находился в чрезвычайном волнении. Волнение это происходило не вследствие нападения Фридриха II на союзные с Россией государства Саксонию и Австрию, требовавшие вспоможения по договорам оборонительного союза; прусской войны давно ожидали и давно желали случая сократить силы опасного соседа, этого *скоростижного* короля. Случись это нападение Фридриха при прежних отношениях, то канцлер Алексей

Петрович Бестужев-Рюмин не преминул бы в длинной записке напомнить императрице о своей прозорливости, как он с самого начала указывал на прусского короля как на самого опасного врага, как с самого начала требовал против него мер предосторожности. Но теперь канцлер не подавал больше длинных записок, с тех пор как в длинной записке, написанной в самом резком тоне, какого прежде он себе не позволял, он требовал немедленной ратификации субсидного договора с Англиею, направленной против прусского короля. Англия тайком от России заключила союз с этим прусским королем, Австрия, наоборот, сблизилась с Франциею и предлагала России сделать то же самое. Последовательность требовала принять предложение; но чего же стоила Бестужеву эта последовательность? Сколько трудов употребил он на то, чтобы выжить из Петербурга представителей Франции и Пруссии, главным делом которых было ведение интриг против него, канцлера, в союзе с его врагами! Как было хорошо, покойно в последнее время, когда канцлер имел преимущественно дело с представителями дружественных держав, действовавшими с ним заодно, видевшими в нем свою опору, когда канцлер не опасался ничего со стороны министров Англии, Австрии, Саксонии, когда не нужно было более перлюстраций! А теперь опять явится в Петербург французский посол, и тогдашние французские дипломаты имели славу самых искусных интриганов; и этот французский посол явится с враждою к канцлеру, с приязнию к его врагам; Воронцов - старый приятель Франции, Шуваловы сильно стоят за сближение с Франциею, и, что всего хуже, и Воронцов, и Шуваловы вполне последовательны, действуют во имя здравого смысла: если действовать против прусского короля, то надобно считать друзьями его врагов и врагами его друзей. Бестужеву остается одно - внушать, что не надобно спешить разрывом с Англиею, что она может одуматься, раскаяться в союзе с Фридрихом, да и во всяком случае открытая вражда с Англиею вредна для русских интересов; и Петр Великий, враждуя с английским королем, объявлял, что находится в мире с английским народом. Это внушение могло иметь силу; но трудно было убедить в ненадобности возобновления сношений с Франциею, когда от сближения с нею зависел успех конвенции против Фридриха, когда главный союзник, венский двор, настаивал на это, и Бестужев, действуя против сближения с Франциею, вооружал против себя австрийского посла, который необходимо становился на сторону его врагов, и канцлер оставался одинок. Но пусть придет французский посол; еще можно было бы как-нибудь помириться с обстоятельствами и в случае нужды побороться с каким-нибудь новым Шетарди, если бы обстоятельства были прежние; а то предстоит страшный переворот, при котором можно легко погибнуть, а для спасения нужно выдержать сильную борьбу, и в этой борьбе надобно меряться с новым опасным врагом - французским посланником. Еще осенью 1755 года иностранные министры при петербургском дворе стали извещать своих государей о дурном состоянии здоровья императрицы Елисаветы: она харкала кровью, задыхалась, постоянно кашляла, у ней пухли ноги. В 1756

году здоровье Елисаветы нисколько не поправлялось; начали ждать печальной развязки; но что же будет в случае такой развязки?.. Наследник престола есть - великий князь Петр Федорович; его права бесспорны и по происхождению, и по назначению царствующей императрицы согласно уставу Петра Великого. Но ходили слухи, что императрица очень недовольна своим племянником и что думает переменить назначение: объявить наследником престола малолетнего великого князя Павла Петровича.

Петр Федорович был сын одного из мелких владельцев Германии, герцога голштинского; но по матери он был родной внук Петра Великого, а по бабке - двоюродный внук Карла XII, был поэтому наследником двух престолов - русского и шведского. Столько прав, столько наследства, не материального только, но и духовного, столько славы легло тяжким бременем на существо, слабое физически и духовно, человека, остановившегося рано в своем развитии, оставшегося ребенком, когда детский возраст давно уже минул. К слабости физической и духовной присоединилось раннее сиротство и воспитание самое беспорядочное под руководством человека, совершенно неспособного. Мы видели, как воспитывали Петра в Киле. Если природа не вложила в ребенка охоты к приобретению познаний, то люди сделали все, чтоб внушить ему отвращение к учению. Неспособный учитель внушил маленькому Петру такое отвращение к латинскому языку, что после, когда уже Петр был императором, он запретил библиотекарю помещать хотя одну латинскую книгу в библиотеке, устраиваемой внизу нового Зимнего дворца. Когда при императрице Анне надежда быть русским императором, казалось, совершенно исчезла для Петра, ребенка начали учить шведскому языку и лютеранскому катехизису. Благодаря своему голштинскому воспитанию Петр по приезде в Россию удивил императрицу Елисавету совершенным невежеством, а Елисавета сама не могла экзаменовывать очень взыскательно. Надобно было пополнить пробелы, и пополнить как можно скорее, и эта трудная обязанность была возложена на академика Штелина. Мы не станем упрекать выбиравших нового наставника за неудачный выбор, ибо не имеем для этого упрека никаких оснований. Штелин делал все, что мог, увидавши, с какою природою имеет дело. Все сколько-нибудь отвлеченное, все требовавшее соображения, некоторого напряжения мысли и живого представления связных явлений - все это было недоступно и возбуждало отвращение; доступно было только наглядное, редкое, отдельное, и Штелин употребляет наглядный способ для успеха своего преподавания; он приносил в класс книги с картинками; приносил старинные русские монеты и по ним рассказывал древнюю русскую историю, приносил медали Петра Великого и по ним рассказывал его историю; два раза в неделю Штелин читал Петру газеты и при этом проходил всеобщую историю, *амюзируя* ландкартами и глобусом; потом история соседних государств была *трактована прагматически*, текущие государственные дела изложены по бумагам, сообщенным канцлером. Память у Петра была отличная, он пересчитывал по пальцам всех русских владетелей от Рюрика

до Петра Великого; но этим все и ограничивалось: несмотря на наглядность преподавания и *амюзирование*, Петр неохотно занимался историей, моралью, статистикой; охотнее занимался он тем, что было осязательнее, - фортификацией, основаниями артиллерии. Изучение шведского языка заменено изучением русского, лютеранский катехизис заменен православным: и русский язык, и катехизис преподавал 4 раза в неделю иеромонах Теодорский или Тодорский. Но столько же раз в неделю учили и танцам. Вследствие неспособности гофмаршала Брюммера вести дело воспитания среди пустых забав едва можно было спасти назначенные для занятий часы. Брюммер и в России продолжал обращаться с своим воспитанником как нельзя хуже: презрительно, деспотически, бранил неприличными словами, то выходил из себя, то низко ласкался. Однажды он до того забылся, что подбежал с кулаками к Петру, едва Штелин успел броситься между ними; Петр вскочил на окно и хотел позвать часового на помощь; Штелин удержал его, представив, какие будут следствия. Тогда Петр побежал в спальню, выхватил шпагу и сказал Брюммеру: "Если ты еще раз посмеешь броситься на меня, то я прокалю тебя шпагою". Защищаясь против несправедливых и преувеличенных упреков Брюммера, Петр привыкал к спору и к сильным выходкам, от которых худел. Таким образом, дурное воспитание действовало разрушительно на здоровье Петра, и без того слабое. Кроме того, Петр по приезде своем в Россию в продолжение трех лет выдержал три сильные болезни; наконец, Петра женили рано, несмотря на отсоветования медиков, требовавших, чтоб по крайней мере подождали еще год. С женитьбою прекратились учебные занятия, от которых скоро осталось очень мало следов. Петр обнаруживал все признаки остановившегося духовного развития, являлся взрослым ребенком. Детскость высказывалась в страсти к мелочам, к игрушкам, от дела серьезного бралась одна внешняя сторона, сама по себе вовсе не серьезная; дело обширное было не по нем, он стремился дать ему маленькие размеры, низвести до детской игрушки; всякий серьезный вопрос, требование подумать были ему тяжести и неприятны, он подчинялся первому чувственному побуждению, подчинялся первой чужой мысли, но эти увлечения, необдуманности, как обыкновенно бывает в детях, уживались с капризами и упрямством, которое не имело ничего общего с мужескою твердостью; детская говорливость и крикливость были ясными признаками остановившегося развития. От такого человека нельзя было требовать, чтобы он понял свое положение, понял, что наследник русского престола должен быть прежде всего русским человеком, приладиться к народу и стране, где ему суждено царствовать. Чтоб найтись в новой сфере, более широкой, определить свой образ действий согласно с новым положением, более высшим, дорасти до этого положения, требовалась большая сила, большая способность к развитию, какой именно и не было у Петра. Он сросся с узенькою обстановкой мелкого немецкого владельца, она пришлась ему по природе, и тяжело, тоскливо было ему в другой, более широкой сфере, куда перенесла его судьба. Здесь дело идет не о любви к родине, к своему, но о косности, мелкости природы, которые не

позволяют отрешиться от известных привычек и взглядов. Та же косность и мелкость природы, которые не позволили сыну Петра Великого царевичу Алексею сделаться достойным наследником Российской империи, царевичем новой России, заставляли его упираться против новой деятельности и оставаться русским царевичем XVII века, - та же косность и мелкость природы заставили внука Петра Великого остаться голштинским герцогом на императорском русском престоле, со всеми привычками и взглядами мелкого германского князька, со страстью экзерцировать свою маленькую гвардию и в ее кругу упитываться симпатиями и антипатиями, совершенно чуждыми настоящему его положению.

Очень рано иностранные министры при русском дворе начинают пересылать своим государям печальные известия о характере и поведении великого князя. Дальон писал в марте 1746 года, что Петр делает всем неприятности, не исключая и жены, у которой разум превосходит лета; он склонен к вину, водится с людьми пустыми, и главная забава его - кукольный театр. В августе 1747 года Финкенштейн доносил своему королю: "Надобно полагать, что великий князь никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о слабом здоровье, которое угрожает ему рановременною смертию, он так ненавидим русскими, что должен лишиться короны, если б она и досталась ему по смерти императрицы. И надобно признаться, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, как принц его лет может вести себя так ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута и своей тетки. К несчастью, он действует без всякого притворства. Великая княгиня ведет себя совершенно иначе".

По удалении Брюммера место его при великом князе занял князь Василий Репнин, а после него - Чоглоков; последнему дана была такая инструкция, написанная канцлером Бестужевым: "Определяем, дабы вы вместо нас и именем нашим неотступно при его импер. высочестве были и ему делом и советом во всех случаях (кроме голштинских дел) помогали, особливо следующие пункты исполняли: 1) дабы его импер. высочество Бога и святые Его заповеди всегда в памяти своей имел и предания православной греческой веры крепчайше наблюдал, наружно же оные внутренние мнения оказывал, явной Божией службе в прямое время с усердием и надлежащим благоговением, гнушаясь всякого небрежения, холодности и индифферентности (чем все в церкви находящиеся явно озлоблены бывают), присутствовал, членам Св. Синода и всему духовенству надлежащее почтение отдавал, особливо же своего духовника самого к себе допускал и наставления его в духовных вещах охотно и со вниманием выслушивал. 2) Чтоб его импер. высочество свое дражайшее здравие сохранял, лейб-медиков почасту к себе допускал, о состоянии здравия своего обстоятельно уведомлял и на вопросы их прямую отповедь давал. 3) Чтоб между их импер. высочествами ни малейшее несогласие не происходило, наименьше же допускать, чтоб какое преогорчение вкоренилось или же бы в присутствии дежурных кавалеров, дам и

служителей, кольми меньше же при каких посторонних что-либо запальчивое, грубое или непристойное словом или делом случилось. 4) Нашим именем и представляя ему собственное его благополучие и честь, склонять, дабы наиглавнейше утренние часы до полудня потребными и к персональной его пользе клонящимися упражнениями препровождены были; вам же всемерно препятствовать надлежит чтению романов, игранию на инструментах, егерями и солдатами или какими игрушками и всякие шутки с пажам, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми. Распределение занятий: в понедельник и пятницу с своими голштинскими министрами совет держал и дела своего герцогства управлял; во вторник и четверг надворным советником Штелином новейшее из газет состояние и сопряжение нынешних дел в Европе, трактаты, интересы и государственные правила разных держав себе представлять велел, исканием же в ландкартах географии и знание земель и коммерции народов и все, чему его высочество в физике, политике и математике обучился или же начало учинил, при случаях повторял и далее наукою в том продолжал. Пред полуднем в среду и субботу можно специальное географией и новейшею историей о России чтением жития Петра Великого и генерально точнейшим опознанием империи учреждений и уставов оной упражняться, причем неминуемо потребно, дабы его импер. высочество ежедневно или хотя токмо в среду и субботу в чтении печатных и разными руками писанных дел на российском языке себя сильнее чинил, к чему российские ведомости, уложение и указы, всякие письменные репорты и челобитные служить могут. При всем же сем его импер. высочество в здравую и приятную погоду иногда поутру в манеж ходить или же на часок верхом выехать может, когда б токмо одеванием целые часы не проходили и, следовательно, таких притом забав сам себя лишиться не хотел. Также может его импер. высочество в среду и воскресенье до божией службы, хотя на самое малое время пред полуднем, нашим гражданским и военным служителям и иным знатым персонам аудиенции давать, дабы его высочество тем более знание людей и любовь нации себе приобрести мог. 5) Но яко ни за кем более не присматривают, как за высокими главами, и с наружных их оказательств наибольшая часть людей доброе или худое, почтительное или презрительное мнение себе сочиняют, то его высочество публично всегда серьезным, почтительным и приятным казался б, при веселом же нраве непрестанно с пристойною благоразумностию поступал, не являя ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах; всякого по достоинству его принимал, природным (т. е. русским) любовью и милость, а чужим учтивство и приветливость оказывал, более слушал, нежели говорил, более спрашивал, нежели рассказывал, из разговоров каждого по науке или ремеслу пользу получал, и тако с мореплавателем не о рудокопных делах и с рудокопным мастером не о мореплавании разговаривал; поверенность свою предосторожно и не ко всякому употреблял, а молчаливость за нужнейшее искусство великих государей поставлял; за столом разумными разговорами себя увеселял; от шалостей над служащими при столе, а именно от залития

платей и лиц и подобных неистовых издевок над бедными служителями, вам его воздерживать надлежит. 6) Для соблюдения должного себе уважения всякой пагубной фамильярности с комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имеет, и мы вам повелеваем их в пристойных пределах содержать, никому из них не позволять с докладами, до службы их не касающимися, и иными внушениями или наущениями к его высочеству подходить и им всякую фамильярность, податливость в непристойных требованиях, притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров и прочее - накрепко и под опасением наказания запретить, яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных продерзость возымели так названный полк в покоях его высочества учредить и себя самих командующими офицерами над государем своим, кому они служат, сделать, особливые мундиры с офицерскими знаками носить и многие иные непристойности делать, чем его высочества чести крайнее предосуждение чинится, военное искусство в шутки превращается, а его высочеству от толь неискренних людей противные и ложные мнения об оном вселяются; по требованию же его высочества всегда для действительной его пользы такое распоряжение учинено быть может, что все военные экзерциции и то, в чем прямая служба состоит, нашими офицерами покажется. 7) Мы не хотим препятствовать, чтоб его высочество пополудни до ужина всеми невинными веселениями и забавами не пользовался, токмо чтоб всякая чрезмерность в забавах и в употреблении людей избегаема была".

Эта инструкция была написана уже тогда, когда до императрицы дошли слухи о продерзостях, какие она едва понять могла. Чоглоков и жена его были и определены к молодому двору для пресечения этих продерзостей. Продерзостные комнатные служители были удалены; из них особенным расположением великого князя и великой княгини пользовались трое братьев Чернышевых (двое родных и один двоюродный); в жалобах на фамильярность служителей императрица, как видно, намекает на старшего из Чернышевых, Андрея, который великую княгиню называл не иначе как "матушка", а та его называла "сынком". Чернышевы очутились офицерами в очень далеких гарнизонах. Двое, Алексей и Петр, служили в Кизляре и говаривали там: "Были они у его высочества при дворе в великой милости, а великий князь называл их фаворитами и приятелями, а великая княгиня так жаловала, что скрытно их дарила, из ее подарков и до сих пор у них часы и шпага; о их несчастьи она очень плакала. Хотя они, Чернышевы, теперь и малы, а другие велики, но этим великим будут головы отрублены, а они, Чернышевы, будут знатны и высоки. Всех распыряли, кого жаловал его высочество, не одних нас". Начальные люди в Кизляре обходились с Чернышевыми ласково, в чаянии будущего; на жалобы их говорили: "Царь новый, и люди новые; вы тогда будете спесивы и на нас глядеть не станете, как ваше время придет".

"Продерзостные" были удалены от молодого двора; Чоглоковы, муж и жена, старались, чтоб не явилось новых продерзостных; но характер и

привычка великого князя от этого нисколько не изменились. Чоглоковы не могли исполнить и той статьи наказа, в которой предписывалось наблюдать, чтоб великий князь жил в ладах с своею супругой. Жена представляла совершенную противоположность мужу. Муж остановился в своем развитии, являлся ребенком в зрелом возрасте; жена представляла необыкновенно быстрое развитие, обнаруживала зрелость ума не по летам; предоставленная очень рано самой себе, при крайне трудной обстановке жизни, она развивала свои богатые способности чтением, наблюдением, прислушиванием к речам людей, выдающихся из ряда обыкновенных. В то время как наследник русского престола вел себя немецким принцем и употреблял все, чтоб оттолкнуть от себя будущих подданных; в то время как некоторым даже приходила мысль, не поступает ли Петр так нарочно, не желая возбудить подозрения в тетке, - в это время Екатерина употребила необыкновенную силу воли, чтоб переродиться из немецкой принцессы в русскую великую княгиню и приобрести любовь русских людей. Уильямс так описывал Екатерину своему двору в октябре 1755 года: "Как только она приехала сюда, то начала всеми средствами стараться приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь говорит на нем в совершенстве (как говорят мне сами русские). Она достигла своей цели и пользуется здесь большой любовью и уважением. Ее наружность и обращение очень привлекательны. Она обладает большими познаниями русского государства, которое составляет предмет ее самого ревностного изучения. Канцлер говорил мне, что ни у кого нет столько твердости и решительности". Екатерина признается, что относительно своего самообразования она обязана советам шведского графа Гилленборга, которого она знала еще в детстве в Гамбурге. И тогда он говорил ее матери, что напрасно пренебрегает она воспитанием такого ребенка, который гораздо выше своих лет. Потом Екатерина увидела Гилленборга в Петербурге, куда он приехал с известием о браке наследного принца шведского с принцессою прусскою. Тут Гилленборг спросил ее, как идет ее философия в том вихре, среди которого она живет. Она ему рассказала свои занятия. Он заметил, что философка в 15 лет не может знать саму себя, что она окружена со всех сторон опасностями, для избежания которых надобно укрепить и возвысить дух, что надобно питать его чтением лучших книг, и указал жизнеописания знаменитых людей: Плутарха, жизнь Цицерона и "Причины величия и падения Римской республики" Монтескье. Екатерина послала сейчас же купить эти книги; ей достали их в Петербурге, хотя с большим трудом. Потом она написала "портрет философа в 15 лет", где изобразила саму себя, и дала это сочинение Гилленборгу; тот возвратил его ей вместе с своими рассуждениями, в которых старался утвердить в ней возвышенность духа, твердость и другие качества ума и сердца: Она перечитывала эти рассуждения, пропитывалась ими и дала себе обещание следовать его советам. "С тех пор как я вышла замуж, - говорит Екатерина, - я только и знала, что читала. Целый год я читала только одни романы, они начали мне надоедать. Случайно я напала на письма Севинье, и это чтение меня

заняло. Когда я их проглотила, попались мне под руки сочинения Вольтера. После этого чтения я искала книг уже с большим выбором". Между прочим, она выбрала историю Германии отца Барра, девять томов в четверку, каждый том оканчивала она в 8 дней; потом прочла сочинения Платона.

Природа молодой женщины, богатой силами физическими и нравственными и не находившей в семье никакого занятия и удовольствия, требовала сильного движения, физического и умственного. "Я страстно любила ездить верхом, - говорит Екатерина, - и, чем шибче была езда, тем приятнее мне было; когда лошадь уходила, я бежала за нею и приводила назад. В то же время у меня в кармане была всегда книга, и первую свободную минуту я употребляла на чтение". На русском языке прочтено было все, что только можно было достать, и, между прочим, два громадных тома церковных летописей Барония в русском переводе. В то же время изучена была книга Монтескье "Дух Законов" и прочитаны "Анналы" Тацита, которые произвели сильный переворот в голове Екатерины, по ее признанию; она стала видеть более вещей в черном свете и отыскивать более глубокие причины явлений, проходящих пред ее глазами. Кроме влияния Тацита многое стало казаться Екатерине в черном свете и вследствие горестей, которые она испытывала вследствие поведения мужа, которого она не могла любить и уважать. Но она никак не позволяла себе предаваться печали. "Гордость души моей и ее природа, - говорит она, - делали для меня невыносимую мысль быть несчастною. Я говорила себе: "Счастье и несчастье заключается в сердце и душе каждого; если ты чувствуешь несчастье, поставь себя выше этого несчастья и сделай так, чтобы твое счастье не зависело ни от какого события"".

Характер и поведение племянника сильно огорчали императрицу; она не могла провести с ним четверти часа спокойно, не почувствовав досады, гнева или печали; в обществе близких людей, когда речь заходила об нем, Елисавета с горькими слезами жаловалась на несчастье иметь такого наследника; будучи вспыльчива, она не разбирала слов для выражения своей досады на Петра. Но что заставляло Елисавету раздражаться и плакать, то заставляло других сильно задумываться насчет будущего России. Канцлер Бестужев не видал ничего хорошего ни для России, ни для себя в этом будущем. Особенно, как видно, оттолкнул его от себя великий князь во время переговоров с Даниею о Голштинии. Постоянно враждебные отношения к Швеции требовали дружбы с Даниею, но этой дружбе мешала Голштиния по давней вражде ее герцогов с Даниею, которая отняла у них Шлезвиг, а герцог голштинский был теперь наследником русского престола. Для устранения этого препятствия датский двор предложил Петру обмен Голштинии на Ольденбург и Дельменгорст. Императрица Елисавета, как мы видели, отказалась от участия в этом деле, и переговоры велись между голштинским министром Петра Пехлином и датским посланником графом Линаром. Бестужев, которому Пехлин был совершенно предан, употреблял все зависевшие от него средства, чтоб

помочь Линару устроить обмен, но Петр не согласился расстаться с Голштиниєю, а канцлер предвидел, что Петр, ставши императором, не остановится ни пред чем, принесет в жертву русские интересы голштинским. Петр сказал однажды Пехлину: "Я уже буду знать, как приняться за дело, чтоб с помощью шведов возвратить от Дании Шлезвиг". Бестужев не сомневался, что Петр, как скоро сделается императором, возвратит шведам часть завоеваний Петра Великого, чтоб только с их помощью завоевать у Дании Шлезвиг. Кроме этих голштинских привязанностей канцлера сильно беспокоили еще прусские привязанности Петра, благоговение к Фридриху II. Бестужев говорил, что кроме уступок шведам от Петра надобно ожидать, что он будет стараться снискать расположение прусского короля насчет Австрии, следовательно, совершенно изменит политику, которую проводил Бестужев. "Великого князя убедили, - говорил канцлер, - что Фридрих II его любит и отзывается с большим уважением; поэтому он думает, что как скоро он взойдет на престол, то прусский король будет искать его дружбы и будет во всем помогать ему". Когда пришло известие о смерти шведского короля и о восшествии на престол Адольфа-Фридриха, то Петр не удержался и перед русскими в самых оскорбительных для них словах выразил свою грусть о потере шведского престола: "Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа".

Тревожимый опасениями за будущее при таких выходках наследника престола, Бестужев после сближения своего с великою княгиней составил план, в котором прежде всего не забыл самого себя. План состоял в том, чтоб по смерти императрицы великий князь был провозглашен императором, но в то же время и Екатерина должна быть провозглашена участницею в правлении; он, Бестужев, получает при этом чин подполковника четырех гвардейских полков и президентство в трех коллегиях - Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской. В последнее время канцлер написал уже и проект манифеста в этом смысле и переслал его великой княгине чрез графа Понятовского. Екатерина поручила Понятовскому устно благодарить Бестужева за его доброе расположение к ней и сказать, что она не считает дело легким. Канцлер вследствие этого замечания несколько раз принимался за проект, дополнял, сокращал. Екатерина говорит, что она вовсе не относилась к делу серьезно, но не хотела противоречить старику, упорному в своих планах.

Здесь посредником между канцлером и великою княгиней, человеком вполне доверенным у обоих, является граф Понятовский. Мы видели, что английский посланник Уильямс, когда был в Польше, находился в большой дружбе с фамилиею Чарторыйских и когда отправлялся в Петербург, то взял туда с собою в качестве секретаря посольства племянника их молодого двадцатитрехлетнего графа Станислава Понятовского, одного из самых привлекательных, самых блестящих людей своего времени.

Секретарь английского посольства немедленно появился в высшем петербургском кругу, был замечен великою княгиней, очень понравился и великому князю, потому что беспощадно насмеялся над графом Брюлем и над самим королем Августом, а Петр ненавидел того и другого как врагов Фридриха II. Скоро Понятовский сделался постоянным посетителем молодого двора. Брюль, узнавши о поведении Понятовского в Петербурге, отозвал его оттуда. Но молодой двор не мог обойтись без Понятовского, и великая княгиня настояла, чтоб канцлер внушил Брюлю о необходимости назначить Понятовского польско-саксонским посланником при петербургском дворе. Разумеется, канцлер должен был сделать это внушение тайно, и отсюда-то вышли противоречивые отзывы о Понятовском, полученные в Варшаве из Петербурга.

Уильямс, который называл Понятовского своим сыном, также хлопотал о его возвращении вследствие настаиваний великой княгини. В своем затруднительном положении английский посланник полагал всю надежду на Екатерину, которая, по его убеждению, должна была господствовать в России; это убеждение главным образом он должен был получить от приятеля своего Бестужева. Это господство Екатерины должно было начаться скоро, потому что, по мнению Уильямса, Елисавета не могла прожить более полугода. При таких обстоятельствах Уильямсу захотелось принять на себя роль Шетарди, помочь Екатерине получить власть точно так же, как Шетарди помог Елисавете, и с помощью Екатерины не допустить Россию до сближения с Франциею. Но при этом он мог столкнуться с французским посланником, который мог скоро приехать в Петербург; у англичанина было сознание, что с французским дипломатом ему не справиться, что француз даст сильную помощь своим, т. е. Шуваловым и Воронцову, приверженцам французского союза, которого требовала теперь последовательность. Бестужеву, разумеется, тяжело было сознаться, что последовательность на стороне врагов его, что она даст им силу, и он в разговоре с Уильямсом давал делу такой вид, что сближение с Франциею не есть что-либо разумное, необходимое, но есть случайность, прихоть фаворита, которому нравится все французское и которому потому желательно иметь в Петербурге французского посланника. "Какое несчастье, - говорил канцлер, - что у нас теперь молодой фаворит, который умеет говорить по-французски, любит французам и моды их и будет рад, когда приедет сюда французский посланник с многочисленной свитою". Конечно, ни сам Бестужев, ни собеседник его не верили, что действительно такова была причина сближения России с Франциею; но им было приятно и выгодно представлять дело таким образом; они должны были изо всех сил хлопотать, чтоб французский посланник не приезжал в Петербург.

От 9 июля н. с. Уильямс дал знать своему двору, что имел секретный разговор с великою княгиней. "Она, - пишет Уильямс, - очень недовольна сближением русского двора с Франциею и приездом сюда французского посланника. Она предложила мне сделать все, что я придумаю, для воспрепятствования этому. Я уже напугал ее насчет приезда французского

посланника, показал ей, что присутствие его здесь может быть очень опасно для нее и для великого князя. Она знает, говорил я ей, что ее дружба с канцлером сделала Шуваловых ее тайными врагами; что Шуваловы сами по себе не имеют ни довольно благоразумия, ни храбрости, ни денег, чтоб помешать ее наследству, но что приезд французского посланника может переменить сцену, и когда он увидит, какие политические взгляды у их императорских высочеств, то не пощадит ни трудов, ни денег, чтоб помешать им в достижении власти. Я умолял ее вспомнить интриги Шетарди здесь и их последствия". Предложение англичанина было ясно: французский посланник даст Шуваловым денег, чтоб помочь им в их замыслах; займите денег у меня, как заняла их Елисавета у Шетарди, чтоб ниспровергнуть замыслы Шуваловых и не допустить приезда французского посланника. "Она, - продолжает Уильямс, - усердно меня благодарила и сказала: я вижу опасность и буду побуждать великого князя сделать все возможное для ее удаления; я сделала бы еще более, если б у меня были деньги, потому что без денег здесь ничего сделать нельзя; я должна даже платить императрицыным горничным; мне не к кому обратиться в этом случае, моя собственная фамилия бедна; но если ваш король будет так любезен и великодушен, что даст мне займы известную сумму денег, то я дам расписку и заплачу долг при первой возможности, причем могу дать королю честное слово, что каждая копейка будет употреблена для нашей общей с ним пользы, как я понимаю дело, и я желаю, чтоб вы поручились его величеству за мой образ мыслей и действий". По просьбе Уильямса она назначила сумму - десять тысяч фунтов стерлингов, которые и были даны.

Между тем болезнь Елисаветы заставляла и Шуваловых предложить Екатерине свои услуги. Предложение было сделано сперва чрез старика князя Никиту Юрьевича Трубецкого, потом через племянника его Ивана Ивановича Бецкого, незаконного сына князя Ивана Юрьевича Трубецкого; Бецкий возвратился тогда из-за границы с знаменитым кавалером Эоном, способным играть то мужскую, то женскую роль, смотря по обстоятельствам. Екатерина отвечала, что согласна сблизиться с Шуваловыми, если они вполне будут содействовать ее видам. Уильямс сильно обрадовался этому, все в надежде, что Шуваловы теперь откажутся проводить французский союз. В длинном письме к великой княгине он опять представлял ей всю опасность от приезда французского посла и упрашивал сойтись с Шуваловыми; он представлял, что Шуваловы, боясь восшествия на престол Петра, который будет мстить им за действия против Пруссии, и не любя Екатерины за ее дружбу с Разумовскими и Бестужевым, будут хлопотать с помощью французского и австрийского послов, чтоб наследником был провозглашен великий князь Павел, а родители его удалены из России. Екатерина отвечала, что французского посла допускать не надобно, потому что с его приездом будет интриганом больше; но что все же опасность от его прибытия и шуваловских замыслов преувеличивается: Елисавета при жизни своей не отстранит племянника от престола по своей нерешительности и ввиду династических опасностей; а

если захотят что-нибудь сделать в минуту ее смерти, то она, Екатерина, сумеет разрушить замысел. "Или умру, или буду царствовать, а не поступлю, как шведский король", - писала Екатерина; тут же писала она, что склонить Шуваловых к перемене политики невозможно.

Мы видели, что великий князь был назначен членом конференции; Екатерина говорит, что она убедила его сказать Шуваловым о своем желании участвовать в конференции, и Шуваловы уговорили императрицу исполнить его желание. По этому случаю Екатерина рассказывает: "Он мне говорил несколько раз, что он чувствует, что не рожден для России, что он непригоден русским и русские непригодны ему; и убежден он, что погибнет в России. Я ему отвечала всегда на это, чтоб он выкинул из головы эту пагубную мысль, а старался бы изо всех сил заставить себя полюбить в России и просил бы императрицу дать ему средства познакомиться с делами империи".

Как бы то ни было, Петр в конференции был против сближения с Францией, и когда граф Александр Шувалов принес к нему протокол конференции, где записано было решение призвать французского посла в Россию, то великий князь решительно отказался подписать протокол. Тогда отправился с протоколом генерал Степан Федорович Апраксин, который был другом Бестужева и в то же время хорош с Шуваловыми и пользовался благосклонностью молодого двора. Апраксин стал просить Петра подписать протокол, представляя, что иначе вся вина падет на него, Апраксина, ибо знают, что он хорош с молодым двором. Петр отказал и Апраксину, но до конца не выдержал, согласился подписать протокол. Ив. Ив. Шувалов изъяснялся по этому случаю, что не пустил бы к себе в дом французского агента Дугласа, если б знал, что возобновление сношений с Францией так неприятно великому князю; впрочем, он решительно не понимает, почему это может быть так неприятно, ибо отсюда произойдет только новая слава для императрицы, которая сделается посредницею между Францией и Англиею, чего давно добивался и канцлер; что же касается страха перед французским послом, то он решительно его не понимает. Но канцлер твердил, что пример перед глазами: что сделала Франция в Швеции для унижения королевы? Уильямс был в отчаянии, что великий князь подписал протокол: он говорил, что если б не подписал, то дело было бы остановлено, по крайней мере французской партии нанесен был бы удар и Петр приобрел бы уважение в публике.

Для успокоения Уильямса Екатерина сообщила ему свой план действий в минуту смерти Елисаветы: "Я иду прямо в комнату моего сына, если встречу Алексея Разумовского, то оставляю его подле маленького Павла, если же нет, то возьму ребенка в свою комнату, в ту же минуту посылаю доверенного человека дать знать пяти офицерам гвардии, из которых каждый приведет ко мне 50 солдат, и эти солдаты будут слушаться только великого князя или меня. В то же время я посылаю за Бестужевым, Апраксиным и Ливеном, а сама иду в комнату умирающей, где заставлю

присягнуть капитана гвардии и оставлю его при себе. Если замечу малейшее движение, то овладею Шуваловыми". Екатерина имела тайное свидание с гетманом Кириллом Разумовским, который уверял ее в успехе ее дела, уверял, что Измайловский полк, где он был подполковником, последует за ним. Гетман поручился, что его брат в предсмертные минуты Елисаветы возьмет великого князя Павла и сбережет его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его с Бестужевым, потому что все ее друзья должны действовать заодно. Гетман же должен был склонять в пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкого и даже Воронцова, который втайне ненавидел Шуваловых. В одном письме к Уильямсу Екатерина писала: "Иоанн Васильевич (царь) хотел уехать в Англию, но я не намерена просить убежища у английского короля, потому что решила или царствовать, или погибнуть". У нее были верные люди, которые должны были ее уведомить, если Иван Шувалов вздумает что-нибудь писать пред императрицею. Сенатор Бутурлин обещал говорить в конференциях по ее внушениям. "Хотя, - писала великая княгиня, - это человек слабого характера и склонен к плутовству, однако можно и из него извлечь пользу". Но Уильямс был в сильном раздражении, потому что дело о сближении России с Франциею шло беспрепятственно. В своем раздражении он срывал сердце на Бестужеве. Тщетно канцлер уверял, что не позволит разорвать с Англиею, даже будет благоприятствовать прусскому королю, и что русская армия, переправившись за границу, не пойдет далее; Уильямс не верил и постоянно жаловался на него. Уильямсу хотелось, чтоб вдруг прерваны были сношения с Франциею и чтоб Шуваловы из страха пред Екатериною отказались от своей системы. Он требовал, чтобы Екатерина сказала Апраксину: "До сих пор я щадила Шуваловых для вас и для канцлера; но теперь это мне наскучило, потому что не вижу никаких доказательств их благодарности; если они хотят получить что-либо от меня в будущем, то должны заслужить это, повинувшись теперь моей воле". Великая княгиня не сочла полезным так круто повертывать дело, но когда Апраксин стал советовать ей, чтоб была поласковее с Шуваловыми, то она отвечала, что великий князь так раздражен французскою интригою Шуваловых и тем, что Петр Шувалов формирует 30000 войска, что она не может ничего для них сделать, если они не отстранят этого камня преткновения. "Шуваловы, - отвечал Апраксин, - так затянулись в это дело, что не могут высвободиться, и я не могу ничего сделать, будучи принужден ехать через два дня к армии".

Уильямс видел, что нет успеха в его деле, и все больше и больше сердился на Бестужева, смотрел на него как на изменника, писал великой княгине, чтоб она порвала связь с канцлером и перешла на сторону Шуваловых. Екатерина прямо написала к Ив. Ив. Шувалову, предлагая союз с прежним условием: они должны делать все для нее в настоящем, она все для них в будущем. Письмо повез один из приближенных к молодому двору людей, Лев Нарышкин, и, возвратясь, рассказывал, что Шувалов, прочтя письмо, пришел в восторг, бросился на колени пред образом и долго оставался в религиозном экстазе. Во сколько Нарышкин, по своему обычаю, позволил

себе преувеличения, чтоб посмеяться над фаворитом, это остается неизвестным. Ив. Ив. Шувалов по своему характеру, по своему стремлению облагородить значение фаворита, приобрести всеобщее расположение, в борьбе партий играть роль примирителя, всюду подкладывая свою мягкую руку под жесткую часто руку родственника своего графа Петра, - Ив. Ив. Шувалов, разумеется, был очень рад предложению Екатерины и готов был сделать для нее все возможное; но вопрос заключался в том, что могли сделать Шуваловы? Конечно, не то, чего хотелось Уильямсу. Бестужев также ничего не мог сделать для Уильямса, но он сделал, что мог, для Екатерины. Когда она спросила его, придет ли Понятовский, то он отвечал: "Если не придет, то можете называть меня злодеем, а не Бестужевым". Понятовский приехал и стал удаляться от Уильямса, утверждая, что должен это делать для его же пользы.

Ни Бестужев, ни Шуваловы не могли, если б и хотели, ничего сделать из того, чего желал Уильямс, потому что этого не желала императрица. Все описанные движения происходили в ожидании ее кончины, но сильно обманулись относительно скорости этой кончины. По-видимому, Елисавета сильно страдала, жаловалась на страшный кашель и одышку; это уже не была прежняя красавица, от которой не хотелось отвести глаз; на придворных праздниках не ходила она без усталости из комнаты в комнату не присаживаясь; но при упадке физических сил душевные не падали: Елисавета не переставала твердить, что хочет сама принять начальство над войском. Бестужев рассказал великой княгине, что когда кто-то говорил при Елисавете, что Фридрих II, если русские нападут на него, выдаст манифест в пользу Ивана Антоновича, то она сказала: "Тогда я велю сейчас же отрубить Ивану голову". 22 октября в здоровье Елисаветы произошла решительная перемена к лучшему, и движения, возбужденные ожиданием ее смерти, стали прекращаться, а с ними исчезли и надежды Уильямса помешать сближению России с Францией.

Мы видели, как в конференции было решено сближение с Францией при известных условиях; но тайные попытки завязать снова сношения с Россией сделаны были во Франции еще в 1755 году. По французским известиям, неизвестно когда отправлен был в Россию эмиссар Валькруассан, который был схвачен и заключен в Шлюссельбургскую крепость. По русским бесспорным известиям, Валькруассан (Messonier de Valcroissant) был схвачен в Риге в феврале 1756 года; по его словам, комиссия его состояла в том, чтоб разведать, кто наиболее в милости у императрицы и кто больше склонен к французской, чем к какой-нибудь другой, стороне; писем ни к кому не имел, кроме одного - от государственного секретаря Рулье к Ив. Ив. Шувалову, которое сжег с прочими бумагами. Вице-канцлер Воронцов и Петр Ив. Шувалов подали мнение, что Валькруассан "во многом несогласно с вероятностию говорил и удалялся от истины. Когда комиссия его состояла в том только, что он сам объявил, то ни малейшей не имел причины письма свои жечь, а еще и

того меньше в Риге и Ревеле приискывать корреспондентов, где он известий таких, каковы его комиссия требовала, получить не мог. Это доказывает, что он приехал шпионом. Когда его окончательно увещевали сказать правду, то он утверждал во всем прежнее, прося только, что, если еще хотя малое сомнение остается, чтоб позволено ему было отправить курьера с письмами к французскому министерству, которые он напишет с апробации графов Воронцова и Шувалова и, ежели угодно, в них внесет, что здешний двор, будучи чрез него уведомлен о добрых намерениях его короля к России и предавая забвению прошедшее (понеже доказательство есть, что Франция поступки бывших своих здесь министров не апробовала), желает прекратить между обоими дворами несогласия. И ежели французский двор получит от здешнего такие обнадеживания, то оный пришлет сюда министра". Воронцов и Шувалов заключили свое мнение так: "Сей француз прямой и небезопасный шпион, потому что он самую подозрительную корреспонденцию под подложными именами производил и в главных приморских городах приискивал себе корреспондентов; того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежит содержать в крепком месте, однако ж с определением пропитания без нужды". Валькруассан был освобожден в 1757 году по просьбе французского правительства.

Это приключение с Валькруассаном, случившееся уже тогда, когда приезжал в Россию другой французский агент, Дуглас, показывает, что Валькруассан был отправлен совершенно иными лицами, чем Дуглас, и это именно бывало в царствование Людовика XV, который чрез доверенных лиц вел свои сношения мимо министерства. Дуглас Макензи, шотландский якобит (приверженец Стюартов), живший во Франции, был отправлен в 1755 году в Россию с инструкциею, написанною принцем Конти, который был тогда доверенным человеком у короля и которому очень хотелось попасть в польские короли или если уже этого нельзя, то хотя в герцоги курляндские; не прочь он был и жениться на императрице Елисавете; во всяком случае, он желал побывать в Петербурге. Дуглас должен был явиться в Россию как дворянин, путешествующий для собственного удовольствия и для поправления здоровья. Он должен был остановиться в Курляндии под предлогом отдыха, а между тем проведать, в каком положении находится это герцогство, что думает курляндское дворянство о ссылке своего герцога Бирона, в каком положении финансы и правосудие в стране, сколько русского войска в Курляндии. В Петербурге Дуглас должен был осведомиться об успехе переговоров Уильямса насчет субсидного трактата о состоянии русского войска, флота, торговли, как расположен народ к настоящему министерству, как велик кредит Бестужева, Воронцова, фаворитов императрицы; о влиянии последних на министров; о судьбе принца Ивана, бывшего царя, и о судьбе отца его; о расположении народа к великому князю Петру, особенно с тех пор, как у него есть сын; нет ли у принца Ивана тайных приверженцев и не поддерживает ли их Англия; о видах России на Польшу касательно настоящего и будущего; о видах ее на Швецию; о причинах, заставивших вызвать из Украины

гетмана Разумовского, и что думают о верности малороссиян и как с ними обходятся в Петербурге. Свои наблюдения Дуглас должен был доставить во Францию не прежде, как выехав из России, или через шведское посольство в Петербурге; и тут в своем отчете он должен был употреблять иносказательные выражения, например, если Уильямс имеет успех, то писать: "Черная лисица дорожает"; если кредит Бестужева ослабевает, то писать: "Собольи меха упадают в цене" и т. п.

О первом пребывании Дугласа в России, в 1755 году, мы не имеем известий; только в депеше Уильямса от 7 октября читаем: "Когда приехал сюда какой-то господин Дуглас из Парижа, то одержимый подозрительностью австрийский посланник спросил его: чего он хочет в России? И тот отвечал: я приехал по совету врачей, чтоб пользоваться благоденствиями холодного климата".

Известия, привезенные Дугласом из России, были такого рода, что его вторично туда отправили. Он должен был обратиться прямо к вице-канцлеру Воронцову, с которым вел переговоры и в первую свою поездку.

10 апреля 1756 года в девятом часу вечера Воронцов получает извещение от Дугласа, что он приехал в Петербург и желает видеться с вице-канцлером немедленно. Воронцов согласился на это свидание, и Дуглас подал ему письмо от заведовавшего иностранными делами государственного секретаря Рулье. Письмо начиналось так: "Узнавши о благосклонных обо мне отзывах вашего сиятельства от особы, которой вы поручили отыскать библиотекаря и прислать образцы бургонского вина, я поручаю ей засвидетельствовать вашему сиятельству за это мою благодарность..." "Что это значит? Какой библиотекарь, какое вино?" - спросил Воронцов. "Библиотекарь - это я, - отвечал Дуглас, - а вина - это дела, назначение лиц, которые должны быть посланы с обеих сторон для восстановления сношений". "Кажется, можно было бы и прямо об этом написать, - заметил Воронцов. - Я донесу об этом императрице, - продолжал он, - но так как теперь страстная неделя, то навряд я могу это сделать прежде Пасхи и потому прошу вас сообщить мне на письме все, что поручено вам предложить здесь от французского двора, чтоб я мог сделать обстоятельнейшее донесение ее импер. величеству". Дуглас согласился и подал следующую записку: "Король, мой государь, отправил меня к вашему сиятельству с извещением, что если ее величество императрица действительно расположена к соединению с Франциею, то его величество с удовольствием увидит установление дружеских сношений, которым для взаимных интересов не следовало бы никогда прерываться. Мне поручено вас уверить, что когда императрица решится назначить своего министра во Францию, то король, как только узнает о происхождении и звании этого министра, немедленно назначит своего министра в Россию одинакого происхождения и звания. Так как взаимное отправление этих министров может повести к прямой торговле французов в России, то его величество назначит консула в Петербург".

Ответ на эту записку был составлен только 7 мая; в нем говорилось: императрица с особенным удовольствием узнала о личных чувствах короля к ней, и так как она ожидала только случая уверить короля в своих чувствах к нему, неизменно ею сохраненных, то ее величество очень рада видеть доброе расположение его величества к восстановлению доброго согласия и тесной дружбы между обоими дворами. Ее величество с удовольствием соглашается на взаимное назначение министров с посольским характером: но императрица находит согласным с достоинством и пользою обоих дворов назначить их одновременно и немедленно и уже назначила в соответствие присылки Дугласа отправить во Францию г. надворного советника Бехтеева, и хотя Дуглас недостаточно авторизован, однако его будут принимать с отличием и выслушивать как человека, действительно присланного его христианнейшим величеством.

Бехтеев был домашним человеком у вице-канцлера Воронцова, пробыл значительное время за границею и считался способным исполнить поручение, *казавшееся деликатным*. Бехтеев должен был внушать французскому министерству, что императрица отвергнет английские субсидии и пренебрежет всеми выгодными предложениями, которые Англия до сих пор не перестает делать только в уважение постоянно подаваемых со стороны императрицы-королевы обнадеживаний, что французский король будет более, чем Англия, готов вступить в виды России и действительно им помогать. Бехтеев должен был стараться внушить французскому двору о необходимости скорого и ближайшего соединения, не говоря ничего о характере этого соединения, и если бы французское министерство его об этом спросило, то он мог прямо отвечать, чтоб обратились за подробностями к австрийскому министру графу Штарембергу, которому Бехтеев должен объявить, что ему запрещено делать что-либо без его согласия и совета; надобно, говорилось в наказе, наблюдать крайнюю осторожность, чтоб не дать венскому двору повода думать, будто бы на его старания не полагаются и мимо его хотят постановить что-то важное с Франциею; часто случалось, что от малого недоразумения великие и знатные дела портились.

Дело могло портиться от трудности примениться совершенно к новой системе, забыть, хотя на время, старые предания и привычки. Так, Франция по-прежнему считала для себя необходимым препятствовать усилению русского влияния в Польше, особенно имея в виду смерть короля Августа и королевские выборы; Франция также считала необходимым не подавать вида, что может пожертвовать турецкими интересами в пользу России. Венский двор, дорожа более всего французским союзом, поддерживал требования Франции и тем производил неприятное впечатление в Петербурге. Россия, готовясь серьезно к войне, прежде всего стала хлопотать о склонении поляков к пропуску русских войск через владения республики и отправила Веймарна хлопотать об этом. Веймарн доносил из Варшавы: "Не оставил я магнатам и прочему находящемуся здесь шляхетству внушать относительно прохода русских войск, представляя

выгоды, которые могут им от этого последовать. От благонамеренной партии никаких затруднений я не находил; противная же и Франции преданная партия рассуждает, что проходом русских войск подается предлог и прусским войскам войти в Польшу, и потому лучше было бы, если б русские войска, идущие на помощь Австрии и королю польскому, вошли прямо в Пруссию. Эти рассуждения происходят вследствие беспрестанных внушений французского министра Дюрана и прусского секретаря посольства Беноа". Секретарь русского посольства Ржичевский с своей стороны доносил: "Французские министры здесь воображают себе, что свободный проход через Польшу русским войскам может быть позволен не иначе как с их согласия; а теперь нечаянно вновь появились французские штуки: вчера примас мне и генералу Веймарну сказывал, что Дюран у него был, и, объявляя ему, что русские войска из своих квартир 17 и 18 сентября уже выступили в поход, старался его, примаса, формально склонить к твердому сопротивлению их проходу через Польшу, представляя, что этот проход может привести в движение и Оттоманскую Порту. Так как об этом разговоре сейчас же распространились слухи по Варшаве, то Дюран поспешил объясниться с примасом, говоря, что он, примас, его не понял; но примас отвечал, что хорошо понял".

Австрийский посланник Эстергази также толковал в Петербурге, что лучше было бы не касаться Польши; с другой стороны, представлял, чтоб в договор об оборонительном союзе между Россиею и Франциею не вносить пункта об обязательстве Франции помогать России против турок. По этому поводу в конференции 26 сентября было постановлено: "Дугласу не в виде жалобы, но как бы конфиденциально сообщить о происшедшем в Варшаве между Дюраном и примасом и прибавить, что хотя при русском дворе этому и не верят, однако при нынешних обстоятельствах и при начатии важных переговоров о союзе интерес и честь его двора требуют происшедшее в Варшаве поправить таким поступком, который мог бы между поляками уничтожить мнение, будто Дюран действительно склонял примаса противиться пропуску русских войск; необходимо, чтоб он, Дуглас, будучи очевидным свидетелем, как мнения императрицы согласны с мнениями его двора, сделал бы французским министрам в Константинополе, и Варшаве внушения, чтоб они согласовались во всем с русскими там министрами. Австрийскому послу графу Эстергази канцлер должен объявить, что русские войска действительно уже выступают за границу; что же касается исключения Порты из союзного договора между Россиею и Франциею, то это пункт самый важный в целом трактате, и такое исключение было бы вредно венскому двору, ибо если Порта будет благодарна за это русскому и французскому дворам, то тем более будет раздражена против венского двора, зачем она не исключена в договоре между ним и Россиею. Это исключение будет иметь такой вид, что малейшее неудовольствие Порты может колебать самые торжественные трактаты, а это может придать ей только больше гордости; тогда как, сохраняя твердость, можно было бы Порте прямо объявить, что простой оборонительный союз не может быть никому никогда предосудителен и

всякое против него огорчение может показывать только дурные намерения. Что же касается прохода русских войск через Польшу, то нельзя скрыть, что такое усиленное домогательство, чтоб русские войска как можно менее или вовсе не захватывали Польши, возбуждает здесь подозрение, не думают ли, что русские войска направятся на Краков или куда-нибудь в глубь Польши. Мнение императрицы еще в начале лета было предовольно объяснено: ее величество непоколебимо пребывает в этом мнении и до сих пор; король прусский походом своим, правда, предупредил, но нисколько не разрушил предложенных мер, напротив, еще усилил их необходимость. Опасение, чтоб проходом русских войск через Польшу не возбудить там смут, конфедерации или не подать повод королю прусскому самому делать то же, - такое опасение можно сравнить с опасением тех неудобств, какие могут явиться при проходе французских войск через вольные имперские земли на помощь императрице-королеве, но с тою разницей, что король прусский с большим правом мог бы противиться этому проходу и возбуждать против него других князей. Нельзя ручаться, чтоб он по примеру русских войск не вступил в Польшу; но для этого все равно, какую бы часть Польши здешние войска в походе своем ни захватили; если ему только предлог надобен, то к этому и одной мили довольно. Наконец, сами поляки только будут рады проходу русских войск".

Действительно, польские вельможи: каштелян краковский граф Понятовский, гетман коронный граф Браницкий, князья Чарторыйские - канцлер литовский и воевода русский, великий маршал коронный граф Белинский и литовский граф Огинский, воевода мазовецкий Руджинский, воевода люблинский князь Любомирский, бискуп краковский Залуский, бискуп киевский Солтык - на формальное требование Веймарна о пропуске русских войск объявили, что хотя такое дозволение может быть дано не иначе как всю республикою, т. е. на сейме, и потому они с своей стороны ни позволять, ни препятствовать не могут, однако каждый из них, как частный человек, будет очень рад проходу русских войск, особенно при объявленном уверении, что и при этом проходе, как при прежнем, будет соблюдаться строгая дисциплина и уплата за все наличными деньгами; и хотя области республики и находятся в опасности, что при случае такого прохода и прусское войско может в них вступить, как объявил Бенуа, однако они питают твердую надежду, что императрица изволит принять меры, чтоб польские области не подверглись никакому вреду. Паны изъявили при этом глубочайшую благодарность за внимание, которым императрица почтила республику этим формальным требованием дозволения, тогда как этого требования не сделано от венского двора, на помощь которому и будут проходить русские войска; паны заявили свое неудовольствие против венского двора и за то, что в Варшаве нет от него ни министра, ни резидента, ни даже поверенного в делах, но все дипломатические дела отправляются женщиною, вдовою умершего резидента Киннера. Так как венский двор никогда не имел большого попечения о польских делах, то вся готовность, какую они рады показать в случае прохода русских войск через Польшу, будет относиться не к

венскому двору, но будет данью признательности к русской императрице за ее милостивые попечения о республике.

Почти в то же время Ржичевский писал, что сближение России с Францией грозит в Польше падением русской партии, потому что французская партия самая сильная, и все, кто держался русских друзей, приступят к ней, как скоро увидят сближение русских министров в Польше с французскими; правда, что партии при этом сольются и члены их будут одинаково называться французскими и русскими друзьями, но только с таким различием, что они будут делать не то, чего Россия от них может требовать спустя долгое или короткое время, а станут делать то, что им Франция будет предписывать, да и двор, естественно, принужден будет последовать большинству и силе.

Между тем Бехтеев, приехавший во Францию в середине лета, встретил здесь странное явление. Он начал дело с министром иностранных дел Рулье; но принц Конти велел сказать ему, что он примется за его дело и станет докладывать королю, причем наказывал, чтоб Рулье никак об этом не узнал, ибо если проведает, то скажет маркизе Помпадур, с которою у него, принца, вражда, и станут препятствовать делу потому только, что не чрез их руки пойдет. Бехтееву показалось это непорядочно, и он не согласился на предложение Конти. Сколько мог Бехтеев заключить из разговоров с ним и министром Рулье, выходило, что министр не знал о первой поездке Дугласа в Россию, а Конти выставлял себя прямо виновником дела. Конти объявил Бехтееву, что он искренно желает лично повергнуть себя к стопам ее величества; соединение России с Францией считает нужным и существенным делом для прямой пользы обеих держав; намерение его состоит не в том только, чтобы возобновить дружбу и заключить простой договор - союзный или коммерческий; у него есть план самый полезный и достойный обеих держав. Если бы граф Воронцов отписал ему, что желает осуществления этого плана, то он предложил бы об этом королю и, получа от него приказание, тотчас принялся бы за дело и под этим предлогом поехал бы в Россию. Бехтеев отвечал, что императрице очень приятно было слышать о намерении принца посетить Россию, где он будет принят с достойною честью; но что касается его плана, то граф Воронцов не может ничего объявить заранее, не зная, в чем состоит план. Когда разговор коснулся Польши и Бехтеев сказал, что Россия обязана торжественнейшею гарантиею сохранить в целости ее права и вольности, то принц отвечал: "Этой гарантии не может быть противно, если кто-нибудь по законам республики народною любовью и щедростию доставит себе корону; но опыт научил, что надобно заранее соглашаться с Россией. Я желаю соединить два двора тесным союзом и составить такой план, чтоб Россия на Севере, а Франция здесь влиянием своим внушали почтение всем другим державам". Принц высказал довольно ясно, что договор с венским двором ему не нравится, он держался Пруссии.

С одной стороны, Конти не желал скорого приезда русского знатного посла во Францию и отъезда французского посла в Россию, стремясь захватить дело о союзе в свои руки и вести его согласно своим планам; с другой стороны, австрийский посол Старемберг хлопотал, чтобы русские дела с Францией шли через его руки. "Я нимало не оказываю, что о том догадываюсь, - писал Бехтеев, - но при случае здешнему министерству не оставляю давать знать, что наш двор не намерен дела свои чрез третьего, но прямо собою производить". К Воронцову Бехтеев писал: "По моему слабому рассуждению, надобно смирить короля прусского, но досадно то, что мы дела свои все под опекою отправляем".

Когда во Франции узнали о вступлении Фридриха II в Саксонию, то Рулье выразил Бехтееву свое удивление, как прусский король отваживается на такие предприятия, имея против себя три самые сильные державы, которые его раздавят. "Действительно, - отвечал Бехтеев, - прусский король не может устоять против трех держав, если они соединятся. Конечно, он полагается на свое коварство и интриги, надеясь с помощью их выиграть время и уничтожить силы императрицы-королевы, прежде чем Россия и Франция соберутся помочь ей". Тут Бехтеев прочел Рулье экстракт из рескрипта, в котором приказывалось ему поставить французскому министерству на вид, что императрица тогда только отвергнет выгодные английские предложения, когда французский король одинаково или еще более будет действовать в русских видах. Рулье отвечал на это в общих выражениях, что король его рад отвечать дружбе императрицы и ждет с часу на час известий о приступлении России к австро-французскому союзу, и при этом распространился о необходимости исключить Турцию из числа держав, против которых Франция должна помогать России. Бехтеев продолжал выставлять коварные поступки прусского короля и как трем державам надобно спешить усмирением такого опасного государя. Ни одна держава не может оставаться равнодушною при таких наглых и несносных поступках его с королем польским, а Франция более других должна принять здесь участие, ибо оскорблена оказанною ей неверностью и обманом, а потом презрением ее предложений. Граф Штаремберг просил Бехтеева сделать французскому министерству внушение о необходимости отозвать французского посла из Берлина, потому что на внушения с русской стороны обратят больше внимания, чем на внушения австрийские; Бехтеев исполнил просьбу и сказал Рулье, что при таком явном пренебрежении, оказанном прусским королем Франции, удивительно, что французский министр до сих пор не отозван из Берлина; это может производить на публику очень дурное впечатление относительно общего дела и очень полезное для короля прусского; особенно при немецких дворах подумают, что Франция несколько бережет прусский двор. Рулье отвечал, что так как Франция не находится в явной войне с Пруссией, то приличие не позволяло вдруг отозвать посла; но чрез четыре дня пошлетя ему указ выехать из Берлина. Рулье сообщил Бехтееву в секрете, что нынешним годом Франция не может послать войска в Богемию, а сделается диверсия, которая Марии-Терезии еще будет полезнее.

Французский посол был отозван из Берлина. Пруссакам во Франции запрещено являться ко двору; Рулье спрашивал у Бехтеева, скоро ли же Россия приступит к Версальскому договору, но тот должен был ему сообщить известие, что французские министры в Константинополе и Варшаве действуют вовсе несогласно с русскими, в Польше побуждают поляков противиться проходу русских войск, раздают деньги; граф Брольи прямо сказал Гроссу в Варшаве, что его двор прежней своей системы в Польше переменить не может и если русское войско пойдет через Польшу, то он, Брольи, принужден будет пресечь доброе согласие с ним, Гроссом. Это сообщение привело Рулье в большое замешательство; он не знал, что отвечать, давал знать, что послы вдруг не могут переменить речи: "Мы не можем вдруг назвать белым то, что вчера называли черным". Но, донося об этом, Бехтеев давал знать императрице, что французский двор поступает без коварства. Маршал граф Белиль уверял Бехтеева, что французские министры при Порте и в Польше действовали так только по недоразумению и что к ним уже послали точные указы внушать полякам, чтобы они согласились на пропуск русских войск через Польшу. То же подтвердил потом и Рулье. 31 декабря Елисавета подписала акт приступления России к Версальскому договору между Францией и Австриею с следующим условием: императрица освобождает короля французского от подания ей помощи в случае нападения со стороны Турции или Персии; равномерно французский король не требует помощи императрицы в случае нападения на него в Европе со стороны Англии. Но и тут опять употребили тот же способ, какой был употреблен при заключении субсидного договора с Англиею: подписан был акт, где говорилось, что Франция не помогает России против Турции, но к нему присоединили секретную декларацию, что Россия обязывается помогать Франции против Англии, если последняя нападет на Францию в Европе, а Франция обязывается давать России денежную помощь против Турции. Дуглас сначала не соглашался принять декларацию, но потом принял, когда австрийский посол граф Эстергази стал уверять, что ему по желанию самого французского двора поручено стараться о приискании средства, как бы вознаградить Россию за исключение Порты из договора, и для того именно предлагать денежную помощь.

Итак, Россия обязывалась даже помогать Франции против Англии, если последняя нападет на Францию в Европе. Мы видели, какие закулисные средства употреблял Уильямс, чтоб не допускать Россию до подобных обязательств; теперь взглянем, какие употреблялись им явные средства для этого.

27 апреля Уильямс приехал к канцлеру и в присутствии вице-канцлера представил, что король, его государь, желает только сохранения мира в Европе и в этих единственно видах заключил договор с королем прусским. Теперь, по известиям о военных приготовлениях Франции. Англия имеет право опасаться, что в Европе на нее нападут вдруг в разных местах; есть известие, что Франция предложила Австрии напасть на Силезию в то

время, когда она сама нападет на Ганновер и герцогство Клевское, принадлежащее прусскому королю. Английский король, будучи всеми оставлен, полагает всю свою надежду на русскую императрицу, и ему, Уильямсу, поручено просить изъяснения о мнениях ее императ. величества относительно помощи ее на случай нападения на Ганновер и возвратить данную ему здесь секретнейшую декларацию как противную ожиданию королевскому. Договаривая эти последние слова, Уильямс положил декларацию на стол, и, сколько канцлер с вице-канцлером ни уговаривали его взять бумагу назад, он не согласился, объявив, что не хочет потерять головы за слушание королевским указам. Тогда Бестужев и Воронцов начали ему толковать, что русская декларация сходна с прямым разумом конвенции, напротив, их поведение относительно прусского короля совершенно с нею несходно и Англия не имеет никакого права требовать русской помощи против Франции, если хочет основывать это требование на конвенции, а не на уповании на дружбу императрицы. Уильямс перебивал почти каждое слово, стараясь об одном: чтоб привести в жалость, выставляя бедственное положение Англии, и наконец сказал почти со слезами, что если Россия не вступится, то Англия совсем пропала.

Так как Уильямс не взял декларации, то ее отправили к русскому в Лондоне посланнику князю Александру Михайловичу Голицыну, сменившему графа Чернышева, чтоб он отдал ее английскому министерству. Голицын от 17 мая донес своему двору, что в Англии чрезвычайное беспокойство по поводу союзного договора между Францией и Австрией. Герцог Ньюкэстль встретил его вопросом: "Можно ли было ожидать соединения венского двора с французским, нашим открытым неприятелем?" "Не мне судить об этом деле, - отвечал Голицын, - но, кажется, должно было его предвидеть с самого дня заключения вашего договора с прусским королем; союз Австрии с Францией есть прямое следствие союза Англии с Пруссией". "Неужели и ваша императрица, - спросил опять Ньюкэстль, - покинет древнего своего союзника, короля великобританского, в таких критических обстоятельствах? Есть известие, что в Петербурге находится посланная от французского двора особа, которая скоро примет на себя публичный характер". Голицын отвечал, что ничего не знает, но что известие очень вероятно. Посланник воспользовался случаем, чтобы внушить, как императрица оскорблена необыкновенным поступком лондонского двора, который без малейшего предварительного сношения заключил союз с прусским королем. "Императрица надеется, - говорил Голицын, - что ввиду вредных от этого последствий ваш двор постарается заглавить это дело надлежащею между союзниками доверенностью и, кроме русского союза, не будет искать других, быть может обманчивых. Поступок венского двора есть прямое следствие ваших обязательств с прусским королем, на которого никак нельзя полагаться по указанию опыта". Тут Ньюкэстль перебил речь посланника. "Нельзя думать, - сказал он, - чтоб русский двор был такого мнения". "Позвольте уверить вас, - отвечал Голицын, - что мои поступки всегда согласны с принципами моего двора".

После этого Голицын имел разговор с государственным секретарем по иностранным делам Голдернесом, который начал словами, что по заключении австро-французского союза его британскому величеству остается одна надежда на верность и великодушие русской императрицы, которая исполнит обязательства англо-русского союза, а союз этот Австрия с Франциею будут стараться теперь разрушать; если русская императрица оставит английский двор, то следствием будет его конечная погибель. В руках русской императрицы средства оживотворить английский двор. Хотя теперь и трудно расстроить австро-французский союз, однако императрица может предупредить его вредные следствия, сохраняя постоянно союзническую дружбу с его британским величеством и притом исполнив все принятые с ним обязательства; тогда Англия не будет бояться соединенных сил Австрии и Франции. Есть известия, что та и другая выставляют целью своего союза поддержание римской веры, которой грозит союз протестантских держав. В таких обстоятельствах союз Пруссии очень бесполезен для Англии, и если венский двор нападет на прусского короля, то с здешней стороны нельзя оставить последнего без помощи. Поэтому очень важно знать, чью сторону примет Россия. Если она примет сторону Австрии и Франции против короля великобританского, то погибель английского двора, конечно, неизбежна, ибо против соединенных австрийских, французских и русских сил никто противиться не в состоянии. С этих пор Англия может считаться в Европе американскою державою; она лишится всякого влияния на твердой земле, будучи принуждена запереться на своих островах. Голицын отвечал, что все это передаст своему двору.

12 августа происходила конференция Уильямса в доме вице-канцлера. Английский посланник объявил указ своего короля предложить русскому двору уплату ста тысяч фунтов стерлингов по силе конвенции и прибавить, что русский двор по принятии этих денег отнюдь ни к чему обязан не будет, а королю это будет особенно приятно, отказ же в принятии денег он примет за явное отречение от его дружбы, да и парламенту об этом иначе объявить нельзя. Король надеется, что он при нынешних столь сомнительных обстоятельствах оставлен не будет, и потому предлагает о вступлении в новые обязательства, особенно относительно защиты ганноверских его земель.

29 августа по болезни канцлера Уильямс явился опять к вице-канцлеру с письмом от английского министра в Берлине Митчеля. В письме говорилось, что король прусский, не довольствуясь двукратным ответом венского двора, велел министру своему потребовать от императрицы-королевы точного ответа, в мире или войне желает она с ним находиться, и что он, король, намерен дожидаться этого ответа при армии своей в Силезии. В то же время Фридрих II велел Митчелю чрез него, Уильямса, представить в Петербурге, чтоб русская императрица соизволила принять на себя посредничество в примирении Австрии с Пруссией, и для того намерен он, король, прислать в Петербург своего министра, если ее

величество изъявит на это свое согласие. Воронцов отвечал, что он не в состоянии дать ответа на это предложение, должен сказать только одно, как непонятны и несогласны друг с другом эти прусские поступки: с одной стороны, Фридрих II оскорбляет и порицает оба императорские двора заявлениями, что они заключили против него наступательный союз и наступление с русской стороны только затем не последовало, что русская армия не снабжена людьми и флот не в состоянии действовать; с другой стороны, венскому двору делает сильные угрозы и в то же время здесь просит посредничества и позволения прислать министра. Его прусское величество мог бы быть удостоверен, что императрица такого порицания от него равнодушно терпеть отнюдь не будет и римскую императрицу без помощи не оставит. Уильямс заметил на это, что он обязан был сообщить предложения как посол государя, находящегося в дружбе и с Россией, и с Пруссией, но как частный человек он не может похвалить поступок короля прусского. В конференции 2 сентября положено было дать такой ответ Уильямсу относительно прусского предложения: "Императрица, будучи сама оскорблена королем прусским и в то же время пребывая в наитеснейшем союзе с императрицею-королевою, находит несогласным с своим великодушием и справедливостью принять посредничество между Австриею и Пруссией. Ее величество оставляет прекращение этих ссор собственному решению обеих держав, сама будет довольствоваться точным исполнением принятых ею с венским двором обязательств".

7 сентября Уильямс был приглашен на конференцию к канцлеру в присутствии вице-канцлера, где был ему сообщен этот ответ; что же касается до его предложения принять субсидные деньги, то ему дано знать, что прием денег отлагается до того времени, пока князь Голицын не пришлет точного ответа английских министров, какого рода будут новые предложенные ими соглашения с Россией. 30 октября Уильямс опять приезжал к канцлеру и сильно хвастался милостивым приемом, который он получил от императрицы третьего дня в доме вице-канцлера; потом распространился о желании прусского короля помириться с Россией. Вскоро после его отъезда приехал к канцлеру голландский посланник Шварц, только что возвратившийся в Петербург; Бестужев спросил у него, верны ли известия, будто прусские войска намерены напасть на Курляндию. Шварц отвечал, что действительно дорогою слышал от многих прусских офицеров, что еще в нынешнем месяце они вступят в Курляндию, чтоб овладеть Либавою и захватить в ней русские магазины; этот город им нужен и для того, чтоб удобнее препятствовать проходу русских галер; Шварц прибавил, что, по его наблюдениям, курляндцы желают вступления пруссаков в их землю.

Через день, 1 ноября, Уильямс приехал к вице-канцлеру и начал говорить, что так как от войны между королем прусским и римскою императрицею, кроме лютейших бедствий, ничего ожидать нельзя, то для предупреждения этого зла, угрожающего всей Европе, остается одно средство: чтоб императрица Елисавета со стороны Марии-Терезии, а король английский

со стороны Фридриха II явились посредниками в примирении воюющих держав; это посредничество он, Уильямс, по указу своего двора и с согласия прусского короля снова предлагает императрице. Это посредничество, продолжал Уильямс, при нынешних трудных обстоятельствах становится тем нужнее, что прусский король, опасаясь сильной диверсии с русской стороны, в отчаянии намерен напасть на русские области, как обстоятельно уведомился он от голландского посланника Шварца. Воронцов ему отвечал, что сам вчера слышал от Шварца о враждебном намерении прусского короля, но в России нисколько этого не боятся; что же касается медиации, то он по болезни своей не может сам доложить императрице, а сообщит канцлеру, причем Воронцов спросил посла: имеет ли он от прусского короля полномочие для предъявления порученной ему комиссии? Уильямс отвечал, что теперь не имеет, но может очень скоро получить, как только увидит склонность русского двора к начатию этого дела.

От Воронцова посол отправился к Бестужеву и объявил, что он сейчас был у вице-канцлера с предложением медиации, принятие которой послужит к славе императрицы, потому что не она начинает дело, а король прусский ищет ее дружбы. Канцлер сказал ему на это, что после недавнего и очень ясного ответа императрицы на такое же его предложение он, канцлер, не может донести ей о повторении предложения. Уильямс отвечал, что и он делает предложение не как министр, ибо не хочет в другой раз получить такого же отказа. Так сообщил о своем разговоре канцлер; но вот какое письмо прислал на другой день Уильямс Воронцову: "Я готов сдержать свое слово во всем, что вам вчера обещал. От вас поехал я к канцлеру, и он меня обнадежил, что предложит императрице о медиации. Перечитав опять вчера вечером разные письма Митчеля, я считаю долгом дать вам знать, что король прусский дерется только для получения мира и для безопасности своих областей; я уверяю вас честным словом и уполномочен объявить, что его прусское величество ничего так не желает, как восстановления доброго согласия и искреннейшей дружбы с вашею августейшею самодержицею. Так как теперь каждая минута важна, так как все находится в движении, то я третьего дня отправил курьера в прусский лагерь; содержание моей депеши не совсем будет приятно прусскому королю, ибо я уведомляю его об отъезде фельдмаршала Апраксина к войску. Итак, если преблагий Бог вдохнет мирные чувства ее величеству, то по тысяче причин было бы полезно, чтоб я был о том как можно скорее уведомлен".

На предложение посредничества императрица велела дать Уильямсу такой ответ: "Когда уже на первое господина посла предложение о медиации сказано, что ее император, величество такого поступка от его превосходительства не ожидала, то теперь легко ему самому рассудить, что усиленное того ж предложения министерству ее императ. величества вновь учиненное повторение еще удивительнее того ее императ. величеству показалось, ибо ее величество справедливо ожидала большего к оказанной

своей единожды воле уважения. Ее императ. величество повелевает потому его превосходительству объявить, что как в прежнем ответе объявленные ее высочайшие намерения непоколебимы, так дальнейшее о медиации упоминание более выслушивано не будет. Употребленные ж его превосходительством угрозы, что король прусский сам войска ее импер. величества атакует, служит токмо к ослаблению его предложений, к утверждению, буде можно, еще больше ее императ. величества в своих намерениях, ко оправданию оных пред целым светом и к обвинению пред оным короля прусского".

После этого Уильямсу не оставалось более ничего, как собираться к отъезду из России: здесь им были недовольны, и английское министерство не могло получить высокого понятия о его способностях, когда он так долго вводил его в заблуждение, утверждая в своих донесениях, что и канцлер, и вице-канцлер за английский союз, что всех можно подкупить, и вообще доставлены неверные известия. Только в конце года он уведомил, что ход дела зависит от одной воли и эта воля непоколебима. В конференции, писал Уильямс, великий князь начал было говорить против сближения с Франциею и приступления к Версальскому договору, но императрица сказала ему: "Что сделано, то сделано по моему приказанию, и я не хочу, чтоб об этом рассуждали". Великий князь отвечал: "В таком случае мне остается только молчать и повиноваться".

Перемена отношений России к Англии и Франции, разумеется, должна была сильно отозваться в шведских отношениях.

От 2 февраля Панин сообщил о впечатлении, какое произведено было в Стокгольме известием об англо-прусской конвенции: "Великое изумление, в каком вдруг увидели министерство, возбудило во всей публике крайнее любопытство. Невозможно описать действия этой новости в преданных Франции людях. Они целый день по всем публичным местам проклинали короля прусского". Между тем господствующая на сейме сенатская партия сильно действовала против короля и людей, ему преданных. Один из последних, молодой граф Горн, был отправлен королем в Петербург с известием о кончине матери королевской, герцогини голштинской, которая постоянно получала пенсию от русского двора. Сенатская партия начала повсюду разглашать, что Горн отправлен просить помощи для введения самодержавия. С изъявлением соболезнования о кончине королевской матери отправлен был из Петербурга в Стокгольм граф Ягужинский, по поводу которого канцлер Бестужев писал Панину: "Вы, чаю, и без меня ведаете, что он зять его превосходительству Ив. Ив. Шувалову: я рекомендую и прошу ваше превосходительство показать ему там вашу благосклонность, дружбу и всякие учтивости не только по тому одному, что Иван Иванович мне особый приятель, но наипаче для того, что, когда вы ему о ваших собственных нуждах и прошениях внушите, я по возвращении его сюда в том для вас с лучшим успехом трудиться надеюсь". На это Панин отвечал: "Граф Ягужинский живет в моем доме и

своею свитою оный преисполнил; по повелению вашего высоко-графского сиятельства я всевозможнейше стараюсь его угостить, и, правда, он сам по себе видится быть тихий и добрый; но, сколь притом приметить возможно, ему предписана против меня великая в речах скромность; и при первой почте он мне объявил, что сам ко двору доносить будет о своей комиссии, после чего ни о чем до того касающемся ко мне не отзывался, и всю свою мне неизвестную корреспонденцию производит переводчик Бартеломанов, который пред моими подчиненными часто показывает свое любопытство о моих здесь обращениях, а наипаче о корреспонденции с вашим высокографским сиятельством".

Весть о восстановлении дипломатических сношений России с Франциею произвела в Стокгольме впечатление, какого, по словам Панина, описать было невозможно: "Одни чрезвычайно торжествуют, а другие с такою же неумеренностию упадают, третьи боятся своим делам дальних из того следствий, все же купно ни о чем другом не говорят ни в публице, ни приватно". Панин дал знать Бестужеву, что сенатор Гепкен, ссылаясь на донесения шведского посла в Петербурге Поссе, внушает королю и другим, что не канцлер, а вице-канцлер Воронцов ведет переговоры с Дугласом, отчего в конференции противная Бестужеву партия получила верх; следствием будет выезд Уильямса из Петербурга, обессиление Бестужева и восстановление французского влияния.

От 14 июня Панин сообщил об открытии в Стокгольме страшного заговора, следствием чего были аресты, пытки и сильное волнение народа. Главами заговора оказывались члены придворной партии гофмаршал граф Горн и граф Браге. Король объявил в Сенате, что он не принимал никакого участия в заговоре; несмотря на то что приверженцы противной партии кричали на площадях, что надобно короля свести с престола и возвести наследного принца или по крайней мере выслать из государства королеву. По получении этого известия канцлер Бестужев по приказанию императрицы написал Панину, чтоб он никоим образом не вмешивался в дело; если же король или королева станут жаловаться на свое стесненное положение, то может их уверить, что императрица не оставит их без помощи, лишь бы остались нетронутыми установленная форма правления и вольность чинов государственных. Горн и Браге погибли на эшафоте; так как они в своих показаниях оговорили королеву, то упсальский архиепископ с двумя епископами отправлены были к ней для религиозного увещания. Королева на это увещание дала им письменный ответ: "Мне приятны ваши увещания, на которые, по вашим словам, подвигла вас ревность к Божией славе, ко благу отечества и ко спасению души моей; я постараюсь следовать вашим советам и надеюсь успеть в том с Вышнею помощию, причем объявляю, что сильно осуждаю опасный заговор, недавно составленный и благовременно открытый милостию Божиею". После этого к лежащему в лихорадке королю явилась депутация государственных чинов с сильными выговорами за его и супруги его поведение относительно Сената и за последний заговор, которым узел

союза между королем и нацией разорван и может быть восстановлен только подписанием нового акта королевского обещания.

От смут в шведском правительстве посланник должен был обращаться к собственным делам. "Ягужинский, - писал Панин канцлеру, - несумненно под руководством скаредного Бартеломанова наставлен был рассмотреть мои дела, яко единственно пристрастием моею к вам преданности производимые, и досконально разведать о моей с вами и с бароном Корфом корреспонденции (неприятелем которого Бартеломанов себя и поручика Левашова объявляет за то, что он (Корф) их яко российских благородных особ достойно не почитал), причем они оба себе ожидали скорого определения на мое место. Но как он, граф Ягужинский, последним стережен ни был, чтобы не дал мне своей доверенности, однако же, наконец, ошутительно увидел его черное сердце, мерзкое высокомерие и весьма малый смысл и способность, что ему открыло глаза во многих ему данных предрассуждениях, и теперь по последней мере, что до начал дел вообще и особливо здесь касается, принял со всем столько другого понятия, сколько достанет силы его молодости, еже несумненно ваше высокографское сиятельство приметить изволите из того, как он, возвратясь, отзываться будет. Правда, я в нем со всем истребить не могу предуверения, будто б ваше высокографское сиятельство ему недоброжелательны; он на протекцию вице-канцлера больше, нежели на чью другую, полагается; но притом ныне находится в несказанном удивлении, как его сиятельство с своею прозорливостью столько допустил, по его слову, себя обморочить таким скаредным простяком, каков Бартеломанов, которого будто б он, вице-канцлер, почитает первым в способности изо всех коллежских служителей. Наконец, милостивый государь, он мне в конфиденцию открыл, как вице-канцлер, ему приказав меня обнадежить о непременной его ко мне милости, поручил притом неприметно мне дать выразуметь, будто бы он причину имел сомневаться, что я его не счисляю между моими милостивцами, в чем, может быть, я других допускаю себя проводить, и что он весьма желает мне служить, лишь бы я мои желания ему показал. На такие милостивые диспозиции я учинил взаимное внушение, что я в приватном моем поведении не имели не имею случаев кого-либо против себя раздражить, следовательно, тем меньше могу сомневаться о доброжелании его сиятельства; милостивцев же себе одними мне порученными делами искал и ищу, а ежели в некоторых из них я столько был несчастлив, что его сиятельство апробации не удостоился, то и тут ожидаю от его справедливости, что он вину искать будет в ошибке моей доброй совести, внутреннего удостоверения и чести, откуда все мои начала и сентименты беру и на них до тех пор твердо полагаюся, покамест инако уверен найдуся, а мое в свете бытие столь низко почитаю, что не могу себе представить, кому бы была нужда меня проводить. Впрочем, что мне до услуг касается, мои обстоятельства всем известны, и ежели я чему достоин, то его сиятельство не погрешит пред своею честью и меня того не лишит, я же в себе таких достоинств не нахожу, чтоб самому искать воспользоваться его ко мне милостью".

В начале сентября Панин представил Ягужинского королю на прощальную аудиенцию. Адольф-Фридрих, поручая Ягужинскому передать императрице обычные приветствия, сделал это со слезами на глазах. Панин при этом счел "долгом человечества и благопристойности" уверить короля в теплом участии, какое принимает императрица в его печальном положении. Король послал сказать в Сенат, что намерен пожаловать графу Ягужинскому свой портрет равной цены с теми, какие даются министра второго ранга, притом табакерку с часами. Сенат отвечал, что так как он весь предмет поручения Ягужинского не может почитать государственным делом, то и на подарки не может употреблять коронной казны. Король опять послал сказать Сенату, что у него не было намерения требовать денег из государственной казны, но только желал знать, одобряет ли Сенат такой подарок. Сенат, отвечал, что государство, не принимая участия в деле, по которому прислан Ягужинский, не имеет причины давать тут советы его величеству. Панин писал императрице, что, по его мнению, надобно оказывать совершенное презрение к таким скаредным ухваткам злонамеренной партии.

Скоро, впрочем, Панин должен был отозваться с удовольствием о шведском министерстве, именно по поводу вступления Фридриха II в Саксонию. "Надлежит, - писал Панин, - здешнему министерству отдать справедливость, что оно внутренно совершенно признает непорядок и несправедливость короля прусского; сенатор Гепкен говорил мне смеясь: чудный это государь! Он уверен, что и потомки будут с удивлением читать о его разумном, умеренном и щедром поведении в Саксонии. Я, продолжал Гепкен, сердечно желаю поскорее услышать о вступлении наших войск в прусские области; это будет самый действительный способ потушить военный огонь".

Между тем английское министерство по внушению Фридриха II представило князю Голицыну о надобности со стороны России сделать что-нибудь в пользу утесненного Сенатом шведского короля; прусский король желает знать, сделает ли что-нибудь Россия, и если сделает, то и он поступит по ее примеру. В Петербурге посмотрели на это как "на вымысел и покушение" прусского короля, который старается чем бы то ни было занять Россию, чтоб самому быть безопаснее с ее стороны. В то же время Дуглас сообщил, что, если верить слухам, король прусский имел большое участие во всем, что происходит в Швеции, и что при таких обстоятельствах всего лучше решение императрицы подать шведским чинам совет не заводить дела далеко; его король уверен, что императрица не отступит от этого решения в таком чисто домашнем шведском деле. Дугласу отвечали, что если король прусский и не имел прежде участия в шведских событиях, то можно с уверенностью сказать, что он желал совершенно другого окончания этих событий. Императрица желает удержать на шведском престоле короля, возведение которого стоило ей целой Финляндии; но в то же время она желает, чтоб это соседственное и дружественное государство ненарушимо пользовалось всеми своими

правами; поэтому императрица, естественно, желает, чтоб тамошнее неприятное дело скоро и благополучно окончилось, и признает полезным, чтоб и французский двор с своей стороны подал шведским чинам такой же совет, именно дела далеко не заводить и, держа королевскую власть в ее законных пределах, не пренебрегать личным уважением к королю. На этом основании Панин получил указ действовать согласно с французским министром, когда искусно выведал от него, что он получил от своего двора указ действовать заодно с русским министром. Но когда Панин начал выведывать об этом у французского посла Давренкура, тот отвечал, что последовавшим заключением сейма дела совершенно окончены, почему он передает на собственное рассуждение Панина, могут ли они с приличием и не имея никакой новой побудительной причины начать говорить о таком предмете, которого уже более нет, тем более что шведские министры заклинали его не вмешиваться в их домашние дела, если не хочет у государственных чинов потерять своего и двора своего кредита; по окончании сейма нет более признаков, чтоб король потерпел какие-нибудь неприятности, разве прусский король что-нибудь затеет.

В конце года Панин имел с Давренкуром другое объяснение. Русский двор принял предложение венского двора склонять Швецию сделать диверсию, нападши на владения прусского короля, и Панину поручено было действовать вместе с австрийским и французским министрами. На спрос Панина, получил ли он от своего двора инструкцию по этому делу, Давренкур отвечал, что не получал и думает, что едва ли Швеции возможно напасть на прусского короля, не рискуя потерять свою Померанию; что он настаивает теперь на одно - на объявление со стороны Швеции на имперском сейме, что она будет стоять за сохранение Вестфальского договора в пользу обиженных дворов вместе с Францией, которая поручилась за сохранение Вестфальского договора. "Этим объявлением, - говорил Давренкур, - Швеция будет принуждена принять вместе с союзными державами ближайшия меры".

Панин подчинился новому положению дел, происшедшему от сближения с Францией; иначе поступил русский министр в Копенгагене барон Корф, который, подобно канцлеру Бестужеву, не мог сдружиться с мыслью о французском союзе. От 11 декабря коллегия Иностранных дел получила такой указ: "Из реляций посланника нашего Корфа с немалым удивлением усмотрели мы нескладное его толкование и предъявляемые странные опасения и следствия, кои будто от намеряемой Францией и по трактатам должной посылки помощи императрице-королеве и другим атакованным имперским чинам произойти, нынешнюю войну всеобщую учинить и европейское равновесие совсем испровергнуть могут. Сие наше удивление тем более становится, что он еще притом выхваляет предосторожность тех дворов, которые французских предложений о вступлении с сею короною в тесные обязательства не приняли, но трактаты свои с древними союзниками исполняют, представляя, притом некстати, наитеснейшее соединение трех северных дворов, дабы тем Францию от мнимого им

доставления себе европейского перевеса удержать, но в то же время угрожая, что о сем соединении до прекращения шлезвиг-голштинских распрей и помышлять нельзя. А как ему о восстановленном между нами и Франциею добром согласии, равно как и о назначенных для вящего того утверждения взаимных посольствах, уведомление подано, более же того, учиненные нами противу короля прусского всем светом справедливо выхваляемые декларации известны, следовательно, и о намерениях наших генерально при нынешних обстоятельствах не скрыто, то коллегия Иностранных дел собою найдет, коль нужно, помянутому посланнику нашему Корфу заслуженный его смелостью выговор учинить".

Со стороны северных держав нельзя было ожидать помехи в предстоящей борьбе; опаснее казалась Турция, на которую, как мы видели, Фридрих II обратил прежде всего внимание, ища средств отвлечь русские силы от Пруссии. От 9 марта Обрезков писал: "Неожиданное заключение оборонительного договора между прусским и английским королями французскому послу и его шайке смертельный удар нанесло; для уменьшения горести нашли один способ - отрицание, что этому быть нельзя, а если что и постановлено, то только для невпущения вспомогательного русского войска в Германию; но здешняя публика на этот раз в обман не дастся; турецкое министерство с несказанным удивлением услыхало об этом происшествии и поздравляет себя, что не заключило союза с прусским королем; если он так подшутил над Францией, своей искренней приятельницей, то чего бы не сделал против Порты?"

От 6 июля Обрезков писал, что когда Порта узнала о заключении союзного договора между Австриею и Франциею, то верховный визирь приказал рейс-ефенди принять сообщения об этом от посланников с полным равнодушием, не показывая ни удивления, ни досады, ни удовольствия. В самом же деле этот союз тревожил Порту, ибо она видела здесь измену со стороны Франции, которая сблизжалась с постоянным врагом Порты. Рейс-ефенди приказал переводчику Порты спросить у австрийского переводчика: куда девались их ежечасные отзывы, что Франция - вероломная, злая и жаждущая только волнений держава, на которую ни в чем положиться нельзя? Французский посланник, заметив досаду Порты, начал внушать турецким министрам, что дружба с Портою будет всегда у Франции на первом плане, какие бы договоры ни были заключены с другими державами, и договор с венским двором нисколько не касается Порты, а только европейских держав. Несмотря на эти уверения, Порта не смягчилась и решилась ласкать английского посла, а если и Россия будет увлечена Австриею во французский союз, то искать дружбы с прусским королем.

При таких натянутых обстоятельствах считали нужным соблюдать большую осторожность в отношениях к славянским подданным Порты. В апреле месяце вице-канцлер граф Воронцов получил письмо от

черногорского митрополита Василия Петровича, в котором тот уведомлял его, что в 1755 году турки и венециане напали с двух сторон на Черную Гору, и хотя черногорцы одержали над турками победу, много их побили, троих начальников взяли живых и повесили, однако на весну враги снова собираются войною на Черную Гору. "Мы, - писал митрополит, - ниоткуда не чаем помощи, кроме Бога и сильного российского скипетра. Плачет бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, чтоб не пала Черная Гора; уже Далмация пала и благочестия лишается, будучи напоена униатством; Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черная Гора будет освобождена, то все к нам пристанут; если же турки Черную Гору завладеют, то христианство во всех упомянутых землях, конечно, исчезнет". "От таких неприятелей, - отвечал Воронцов, - вашему обществу надобно быть всегда в осторожности, не делая им, однако, никакого озлобления, чтоб они не имели причины на вас жаловаться Порте; что же касается защиты Черной Горы от турецких войск, то при надежном случае не оставим сделать представление в пользу черногорского народа как Порте, так и Венецианской республике". К Обрезкову был отправлен секретнейший рескрипт, в котором говорилось: "Что касается защиты черногорцев при Порте, то хотя в нынешнее время, когда мы заняты на другой стороне, формально и с надлежащею твердостью приступить к ней и нельзя, однако, чтоб не привести черногорцев в отчаяние, надобно вам, хотя стороною, сделать все возможное в их пользу; наперед посоветовавшись с переводчиком Порты как с единоверным, постарайтесь исходатайствовать облегчение этому единоверному и усердному к нам народу и давайте знать им тайно обо всем, что будет делаться относительно их при Порте, чтоб они не были застигнуты врасплох. У венецианского посла настояте, чтоб он писал своему правительству о прекращении обид черногорцам, а во взаимных жалобах сделан был бы полюбовный разбор, за что Россия будет очень благодарна венецианскому Сенату".

Обрезков начал разговор о черногорцах с переводчиком Порты, но тот отвечал, что ему вмешаться в это дело без явной опасности никак нельзя, потому что вследствие беспрестанных нападений черногорцев на соседние турецкие области Порта твердо решила наказать их и поусмирить; еще менее может он советовать Обрезкову обратиться к Порте с заступничеством, ибо это заступничество ускорит гибель не только черногорцев, но и всех православных, находящихся под игом турецким; ничто не может быть для Порты чувствительнее, а для бедных православных опаснее, как если русская императрица явится покровительницею последних. Этим турка, как заснувшего льва, можно разбудить. "Я, - продолжал переводчик, - по христианству и справедливой ненависти к варварам должен объявить, что лучший способ к их ослаблению и искоренению - это не подавать им причины к войне; хотя бы война была для них несчастна, однако военный дух, который служит основанием этой сильной империи, возбудится и придут турки в прежнюю ярость и свирепство; тогда как, живя в настоящей тишине и безопасности, год от году ослабевают, потому что управление у них самое оплошное и

слабое, нет ни порядка, ни надлежащего послушания, и если еще несколько лет так будет, то империя эта, бывшая страшилищем всего света, подломится и повалится от своей собственной тяжести, как ветхая храмина. О Турции нельзя судить по европейским державам, которые обыкновенно в войне разоряются, а в мире оправляются и усиливаются; у турок диаметрально противоположное: они в войне оживляются, а в мире ослабевают, потому что начало и основание их есть оружие; выпусти его из рук, они не знают, за что ухватиться, и бьются как рыба на земле". Обрезков возражал, что между греками и черногорцами большая разница: греки завоеванные, а черногорцы народ независимый, и потому заступничество за них не может возбудить подозрения. "Вы ошибаетесь, - отвечал переводчик, - турки и черногорцев считают своими подданными на том основании, что они зависели от Сербского королевства, завоеванного турками; многие из них, признавая власть Порты, платят ей дань, остальных же, которые живут в неприступных горах и до которых добраться трудно, турки считают отпадшими, подобно майнотам, с которыми Порты ведет войны, иногда удачные, иногда неудачные, но никто их независимыми не признает. Если бы Россия имела дело с каким-нибудь живущим в ней магометанским народом, а Порты стала бы за него заступаться, то, конечно, русскому двору было бы это неприятно". Описав этот разговор. Обрезков прибавляет: "По такому его, переводчика Порты, предъявлению, в коем я по скудоумному моему рассуждению много основательности и резонабельности нахожу, я прямо отзываться удерживаюсь, под рукою же делаю, сколько возможности моей есть, чтоб им какое-нибудь вспоможение подать, имея, однако ж, притом надлежащую осторожность, чтоб не открылось мое за них заступление". Осенью движение русских войск через Польшу повело к объяснениям с Портою, которая предъявила желание, чтоб этого не было. Обрезков отвечал решительно, что императрица непременно подаст помощь своим союзникам и движение русского войска через Польшу происходит не для завоевания ее или отторжения некоторых ее областей, но единственно для подания помощи союзникам. Избавление польского короля не может быть неприятно Порте, которая, конечно, не останется равнодушною, когда Польша достанется брату прусского короля и Турция получит вероломного соседа, презирающего все самые торжественные договоры. Порты не отвечала на это ничего. Поведение Порты пока не подавало еще повода к серьезным опасениям, и потому считали возможным ограничиться приказанием гетману Разумовскому выехать из Петербурга в Малороссию для наблюдения за безопасностью южных границ. В рескрипте к нему из конференции 12 ноября говорилось: "Малороссия по причине близкого соседства Оттоманской Порты и подвластных ей татар, особенно же своевольства запорожских козаков, которые всегда вместо укрепления соседственной дружбы и согласия подают повод к неприятным жалобам, заслуживает наибольшего внимания".

Войска двигались не на юг, а на запад, чтоб через польские владения вступить в Пруссию; но кто же будет ими предводительствовать?

5 сентября, в день именин императрицы, пожалованы были обер-егермейстер граф Алексей Разумовский, генерал-прокурор князь Трубецкой и генерал-аншефы Бутурлин и Апраксин в генерал-фельдмаршалы, адмирал князь Михайла Голицын в генерал-адмиралы; Разумовскому и Трубецкому назначено оставаться в прежних должностях, а Бутурлину и Апраксину быть при армии. Но главнокомандующим из них двоих был назначен Степан Федорович Апраксин. Об этом человеке дошли до нас дурные отзывы и от чужих, и от своих. Наружность Апраксина, его чрезмерная тучность, изнеженность не говорили в его пользу; его прямо упрекали в трусости, потому что в ссоре с гетманом Разумовским тот сильно прибил его, и Апраксин не потребовал у него удовлетворения по западному обычаю. Ничтожное участие в турецкой войне, разумеется, не давало ему права быть главнокомандующим в войне против первого полководца времени, каким считался Фридрих II. Мы видим, что венский двор указывал на отсутствие искусных генералов в русской войске, и это указание было справедливо. Причина заключалась в том, что в царствование Анны было забыто правило Петра Великого воспитывать войною своих русских генералов, не давая фельдмаршальских мест иностранцам; вместо Шереметевых, Меншиковых, Голицыных и Долгоруких явились Минихи и Леси. Как ни оправдывался Миних в упреке, что не давал хода русским людям, действительность подтверждает упрек: его военная деятельность оказалась совершенно бесплодною относительно образования русских генералов. В начале царствования Елисаветы в шведской войне пробавились иностранными генералами, оставшимися от царствования Анны, - Леси и Кейтом. Леси умер в 1751 году. Кейт, как мы видели, во время пребывания своего в Швеции возбудил против себя подозрение в не очень сильной поддержке русских интересов; но скоро явилась и другая причина столкновения. В 1746 году Кейт обратился к канцлеру Бестужеву с просьбою исходатайствовать у императрицы позволение брату его жить в России. Но Бестужев вместо ходатайства представил, что этот брат Кейта - главный заводчик шотландского восстания в пользу Стюартов и если он найдет покровительство у императрицы, то это должно повести к холодности между Россиею и Англиею, которая чрез это получит право давать убежище русским изменникам. Притом подозрительно, не нарочно ли Кейт подослан французами, чтоб именно произвести охлаждение между Россиею и Англиею, ибо странно, зачем ему ехать в Россию, когда он мог жить во Франции или Испании. На этом основании Кейту было отказано в просьбе о брате; он обиделся. Назначен был на помощь союзникам тридцатитысячный корпус, и начальство над ним было поручено князю Репнину. Кейт обиделся, почему не ему, и стал просить увольнения от службы. Тщетно канцлер писал ему, что обижаться нечем. Репнин моложе его, а ему, Кейту, и Леси поручается дело более важное - защищать границы империи; Кейт в 1747 году настоял на своем увольнении, представляя, что он оставляет русскую службу вовсе не по

неудовольствию, а потому, что ему необходимо переселиться в Англию; но вместо того он перешел в службу к прусскому королю.

11 октября в ведомостях, которые были отданы под цензуру конференц-секретаря Волкова, появилось известие, что "приготовления к отправлению многочисленной армии на помощь союзникам ее императорского величества с необыкновенною ревностью продолжаются. Несмотря на то что в Риге находится уже весьма знатная часть артиллерии, отправлено туда еще из здешнего арсенала на мореходных судах великое число осадной. В то же время с крайним поспешением на расставленных нарочно по дороге подводах везут из Москвы тридцать новых гаубиц. Главный командир сей армии его превосходительство генерал-фельдмаршал и кавалер Степан Федорович Апраксин к отъезду своему в Ригу находится совсем в готовности, куда отправленный наперед его полевой экипаж уже прибыл. Пребывание же здесь (в Петербурге) его превосходительства походу армии нимало не препятствует. Она теперь за границу уже действительно выступает; а его превосходительство, будучи здесь, на месте, ближе к получению всевысочайших ее импер. величества резолюций о всем, что к лучшему там многочисленной команды управлению принадлежит, рассылает во всю оную ордеры с столь большим поспешением, а сам всегда довольно скоро к оной прибыть может, ибо нарочные подводы по дороге для его превосходительства расставлены. Прошедшего понедельника имел честь сей фельдмаршал представить ее императ. величеству находящихся здесь донныне господ генералов для прощания, кои потом немедленно каждый к своим полкам отправились. То же и всему прочему генералитету и офицерам накрепко подтверждено немедленно при своих местах быть. Ее импер. величество хотя исполняет уже таким образом сугубо принятые с высокими своими союзниками обязательства, однако ж в предусмотрительном рассуждении, дабы в случае надобности как отправляемую в поход армию усилить, так и обширные границы прикрывать, указала ее величество формировать новый запасный корпус регулярного войска до 30000 человек, и сие весьма важное и великое дело вверить и поручить в полную диспозицию и управление его сиятельства генерал-фельдцейгмейстера и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова. Потребные о том указы уже во все места даны, и по учиненному к тому действительно началу от ревности его сиятельства и известной благоразумной диспозиции несумненно надеяться можно, что сей новый, из наилучших войск составленный корпус будущю весною готов будет везде употреблен быть, где всевысочайшая ее импер. величества служба того потребует".

В этих известиях любопытно выражение: "Пребывание же здесь его превосходительства походу армии нимало не препятствует". Хотели успокоить общество, прекратить толки о том, что какая же это война, когда главнокомандующий спокойно живет в Петербурге. Апраксину действительно не хотелось ехать к войску во время болезни Елисаветы, ибо, будучи хорош со всеми, он знал, как война неприятна молодому двору

и канцлеру. Апраксин даже присылал спрашивать великую княгиню, ехать ли ему к армии или оставаться, и получил в ответ, что если останется, то это будет знаком его преданности к ней. Апраксин жаловался императрице на плохое состояние войска; Елисавета была этим сильно взволнована и, обратясь к Петру Ив. Шувалову, сказала: "Вы преувеличиваете мои силы в моих глазах: Бога вы не боитесь, что так меня обманываете!" После этого Петр Ив. Шувалов целую неделю не пускал Апраксина говорить с императрицею, и Ив. Ив. Шувалов выговаривал ему, зачем напугал больную Елисавету. Но когда императрица выздоровела, нельзя стало больше медлить.

26 октября Апраксин с *фамилиею* обедал у императрицы, 28 - у великого князя; вечером того же дня имел частную аудиенцию у императрицы для принятия последних ее повелений; 30 числа отправился в Ригу к войску; вслед за ним отправился паж, который вручил ему от императрицы дорогой соболей мех с богатою парчою; потом послан был к нему серебряный сервиз в 18 пудов весом. Чтоб русские люди сочувствовали войне как справедливой, с последних номеров "Петербургских Ведомостей" началось печатание "Писем от партикулярного человека к другу своему о нападении короля прусского на Саксонию", где между прочим говорилось: "Можете ли вы мне изо всей истории хотя один такой пример показать, чтобы самые гордые варвары таких людей до смерти били и землю их разоряли, которые им нимало не противятся? Королю прусскому можно, крайней хитрости слово выискав, такое им разумение с толком дать, какое его величеству самому угодно, только уж состояние дел переменить отнюдь нельзя. Целый свет о делах его не по красным цветам тех слов, которыми он предприятия свои застилает, а по внутреннему качеству и доброте самых действий рассуждать станет; а может статься, что мы еще и такого времени доживем, когда все европейские державы устроятся видеть такого принца, который под ложными видами и закрытыми намеряется вместо праведных законов такие от себя правила ввести, которые, кроме ненасытного желания и зависти или кроме ложного мнения о славе, другого основания себе не имеют. А сия страсть в таком монархе крайне опасна, который свою власть и силу на зло употребляет. Эта пагубная страсть со временем всеконечно к погибели его приведет".

Начинали войну, но очень хорошо знали, что "деньги суть нерв войны". На фейерверке, сожженном 1 января, был представлен храм, у обоих входов которого стояли на страже: с одной стороны - Сила и Богатство, а с другой - Героическое намерение и Постоянство. Два последние стража представляли твердую решительность Елисаветы подать помощь союзникам и сдержать властолюбивые, опасные и для России замыслы прусского короля. Сознали, что для выполнения этого намерения необходимы были сила и богатство. Сила представлялась войском, которое уже двинулось к границам, и для пополнения его рядов назначен был рекрутский набор. Оставался последний и чрезвычайно важный страж храма - богатство, финансовые средства для ведения войны. Мы видели,

какие меры были приняты для увеличения доходов именно на случай войны. Вычислили, что одна из этих мер, касавшаяся винной продажи, круглым числом приносила прибыли 73643 руб. В апреле для предстоящих воинских расходов выдача прибыльных денег с соляной продажи на уменьшение подушной подати была прекращена. В сентябре Сенат приказал: для нынешней в деньгах надобности наложить на соль по 15 копеек на пуд, а на вино - по 35 копеек на ведро и продавать соль везде, кроме Астрахани и Красного Яра, по 50 копеек пуд, а вино - везде, кроме остзейских губерний, Малой России и Слободских полков, в кружки и чарки по 2 р. 33/2 копейки ведро, а ведрами гривною дешевле. Но на другой день приехал в Сенат Петр Ив. Шувалов, и при подписании журнала решено дополнить: у Архангельска продавать промышленникам соль из казны по 35 копеек пуд. Через месяц по предложению генерал-прокурора Сенат приказал: по нынешней надобности в деньгах собрать из всех городов и выслать в Штатс-контору наличную денежную казну, каких бы сборов ни было, кроме подушных, соляных, винных и положенных на Адмиралтейство. Камер-коллегия доносила, что в 1755 году было продано водки меньше против прежнего на 15299 ведр, а простого вина - на 59077 ведр, пива и меду - больше на 139084 рубля, вообще же против 1749 года выручено от продажи крепких напитков больше на 1402569 рублей. С 1747 года подушной доимки оказалось 582441 рубль 48 3/4 копейки; это по присланным из коллегий и канцелярий ведомостям, а по ведомостям комиссариатским - 431764 рубля 86 1/4 копейки. Кабацких, конских и других пошлин в недоборе с 1730 года оказалось 3268297 рублей 51 1/2 копейки.

Когда по *настоящей надобности в деньгах* начали думать, как бы сократить расходы, то, вспомнив предложение Петра Ив. Шувалова насчет бесконечно тянущихся комиссий, имели рассуждение в Сенате, что по разным делам для следствия во многих местах учреждены комиссии, которые продолжаютя чрезвычайно, отчего виноватые остаются без наказания, а казна несет напрасный убыток, и приказали: комиссиям репортовать в Сенат каждый месяц о том, что в них происходит, и если из репортов хотя мало усмотрено будет напрасное продолжение, то члены комиссии подвергнутся штрафу. Вследствие этого приказания комиссия о раскольниках донесла, что она до сих пор продолжается за неполучением резолюций на посланные ею в Синод представления. Сенат постановил требовать, чтоб Св. Синод соблаговолил дать резолюции.

Хлопотали, чтоб не было проволочки дел в комиссиях, а тут генерал-прокурор предлагает Сенату донесение прокурора Вотчинной коллегии, что он почти ежедневно представляет коллегии о безволокидном решении дел по подаванию голосов без замедления, но его представления не имеют никакого действия; вице-президент Камынин не подает голоса; а если голос и придет, то журналов не подписывает, отзываясь болезнью, без его же голоса присутствующие дел не решают. По многим делам явные секретарские к челобитчикам прицепки, а другим поноворки, при докладе

следующего в пользу челобитчика не доложит, и по представлениям прокурора ответа у секретаря не берется; журналы и определения долгое время не сочиняются; по одному делу журнал был написан и отдан секретарю Цурикову, но тот на вопрос прокурора о журнале отвечал, что и журнал, и дело - все он потерял. Та же Вотчинная коллегия чрез несколько времени донесла, что в ней приказных служителей 107 человек, в том числе престарелых и дряхлых - 24, а за таким малолюдством челобитчикам несносная волокита; служители эти содержатся безвыходно; в 1728 году было их более 400 человек, и потому коллегия требовала прибавить по крайней мере еще 100 человек. Сенат приказал исправляться наличными приказными служителями, ибо их из других мест взять нельзя, чтоб и там в делах остановки не сделать.

Позволили себе сделать одну прибавку: по представлению Медицинской канцелярии Сенат велел определить в Москву по немалой обширности города двух докторов - одного при губернской канцелярии, а другого при магистрате - и при губернской канцелярии еще одного лекаря. Надобно было увеличить число медиков, потому что знахари морили народ в Москве; так, было донесено, что священник от Троицы в Серебряниках был болен лихорадкою, знахарь-крестьянин дал ему порошок, от которого священник умер; оказалось, что порошок был из мышьяка.

Два известия относительно почты всего лучше покажут нам положение бедного и малолюдного государства. От Москвы до Саратова была учреждена почта, но указы в Саратов приходили очень медленно: один сенатский указ шел без трех дней два месяца, а другой - полтора месяца. Курьеры жаловались, что на почтовых станах лошадей держат очень худых, так что иные и до половины стана не доходят. Императрица приказала привезти из Москвы в Петербург лучших дьяконов в среду или по крайней мере в четверг на Страшной неделе, и барон Черкасов требовал, чтоб на почтовые подводы подорожных никому ни для каких дел не давали до тех пор, пока дьяконы будут привезены в Петербург.

Кроме траты людей и денег война имела еще ту невыгоду для малолюдного государства, что как скоро войска очищали внутренние области для заграничного похода, то немедленно усиливались разбои. В Петровском и Пензенском уездах разбойники шайками от 60 до 150 человек начали разбивать дома, жечь и резать людей; в Шацком уезде, приехав в Моршу в козачьем и драгунском платье, разбойники напали на Дворцовую контору и пограбили до 2000 рублей. На Оке, выше Нижнего, появились в двух лодках разбойники, до 80 человек с шестью пушками; войско правительства схватилось с ними и потеряло 27 человек убитыми, 5 ранеными, а из разбойников убито было 6 человек; кроме этой шайки плавали еще две лодки с 30 разбойниками в согласии с первою партией; все они хотели вместе плыть до Астрахани и дорогою разбойничать. Алатурская провинциальная канцелярия доносила, что в городе солдат 96 человек, из которых большая часть стары, дряхлы и увечны, ружья ни

одного, пороху, свинцу, шпаг также не имеется, а в марте месяце ночью разбойники напали на провинциальный магистрат и взяли казны 949 рублей. Такие же вести пришли из Шацкой канцелярии. Осенью многочисленные разбойники разграбили вотчину Петра Ив. Шувалова в Московском уезде деревню Чуваксину, крестьян били и жгли.

Кроме борьбы с разбойниками надобилось войско для исполнения печальной обязанности умирения монастырских крестьян, которые восставали все чаще и чаще. В Шацком уезде возмутились крестьяне Новоспасского монастыря; поехал к ним драгунский капитан с командою. Когда драгуны расположились у монастырского двора, то подле него стали крестьяне, человек 100, и когда капитан объявил им указ о забрании их под караул, то они сказали: "У вас указ воровской, вы, наемщики, взяли деньги". Раздался крик: "Бей всех дубьем!" Ударили всполох, сбежалось крестьян более 1000 человек, бросились на драгун и начали их бить дубьем; капитан вырвался и с четырьмя драгунами ушел в избу; крестьяне начали к ней приступать, бросать в окно жердями и поленьями; капитан выпалил из ружья; крестьяне закричали: "Пужает! ломай избу и зажигай!" Капитан выпалил вторично в окно и одного крестьянина убил наповал; но, видя, что избу ломают, испугался и вышел вон; крестьяне схватили его, били без милости и приковали к ноге убитого им мужика; остальных драгун сковали и посадили при том же мертвом теле; деревенские бабы подходили к драгунам и били их по щекам, а мужчины кричали: "Хотя бы и два полка были присланы, и тут взять себя не дадим".

Команды надобились и для того, чтоб удерживать раскольников от самосожжения. Обыватели разных деревень Чеуского острога собрались в деревню Мальцову к сожжению. Для увещания их отправились томский воевода Бушнев и Чеуского острога управитель Копьев с командою; они нашли девять изб и вокруг них сажени в три палисадник с немалым укреплением. На увещания воеводы и управителя раскольники, запершиися в этих избах, отвечали: "Мы за веру Христову и за крест двоеперстного сложения собрались страдать и обратиться не желаем"; сказавши это, зажглись, и сгорело мужского и женского пола 172 человека да, сверх того, известные злоучители Семен Шадрин, Федор Немчинов и с ними еще третий, неизвестный злоучитель; только один крестьянин, Кубышев, вылез через забор едва живой, обгорелый.

Надобность в войске заставила обратить особенное внимание на однодворцев, образовавшихся преимущественно из разного названия мелких служилых людей, испомещенных на старых украинских, то есть пограничных с степью, местах. Петр Ив. Шувалов подал в Сенат мнение "О беспорядках, каковы происходят за неимением об однодворцах учреждения". Однодворцы, говорилось в мнении, никому в особое смотрение не поручены, а находятся в ведомстве у воевод, а каким образом воеводам однодворцев содержать, попечение о них иметь, и от обид защищать, и о распространении их экономии стараться, кроме генеральной

воеводской инструкции, ничего не предписано, и сами воеводы надлежащего смотра за ними, как следует экономам, не имеют, но содержат их, как и прочих уездных жителей, по их поселениям для осмотра и распоряжений не ездят, а некоторые хотя и ездят, но более для своих прихотей, отчего однодворцам от взятия подвод и прочего происходит более разорения, чем пользы. Прошлого 1755 года по просьбам однодворцев о защите их от обид и разорений, причиняемых воеводскими канцеляриями, сыщиковыми командами и вальдмейстерами. Сенат велел определить к ним и к прочим государственным крестьянам особенных управителей по примеру устройства дворцовых волостей; только во все города Воронежской и Белгородской губерний таких управителей на самом деле еще не определено. Потому Шувалов предлагал поручить отправляющемуся в те губернии генералу Ушакову во всех городах по желанию и выбору однодворцев определить управителей из штаб - и обер-офицеров надежных и доброй совести людей, а таких, которые прежде были в губерниях, провинциальных и воеводских канцеляриях и вышли из секретарей и других чинов в штаб - и обер-офицерские ранги, в управители не определять и, кто теперь определен из таких чинов, отрешить, а в помощь городovým управителям в селах и деревнях назначить из отставных унтер-офицеров и капралов или из первостатейных однодворцев людей доброй совести с общего выбора. Сенат согласился.

Малороссия с своим козацким войском также должна была принять участие в войне, хотя ее гетман намеревался играть важную роль в Петербурге не в качестве предводителя козаков, а в качестве гвардейского подполковника. Бессознательно, по личным отношениям Кирилла Разумовский потребовал уничтожения неправильности в отношениях Малороссии к Российской империи: с восстановлением гетманства Малороссия опять подчинена была Иностранной коллегии, подобно калмыкам и киргизам, имевшим своих владельцев. Вражда к президенту Иностранной коллегии великому канцлеру Бестужеву заставила Разумовского просить, чтоб его изъяли из ведомства Иностранной коллегии и перевели в ведомство Сената; императрица исполнила его просьбу. Главную заботу правительства на южной украине составляли запорожцы. Привыкнув к степному приволью, не зная границ своим владениям, они начали теперь жаловаться, что их теснят. Сенат по поводу этих жалоб приказал перенести запорожские зимовники, находящиеся по сю сторону речки Самоткани, куда-нибудь в другое место в запорожских же дачах, чтоб никаких ссор, особенно же гайдамацкого воровства, не было, ибо гайдамаки имели здесь пристанище; гетман, потребовавши об этом от кошевого мнения и рассмотря его, представил бы о нем в Сенат с приложением собственного своего мнения. Видя, что вследствие неопределенности границ новые переселенцы придвигаются все ближе и ближе к Сечи, запорожцы просили, чтоб у старосамарских жителей отнято было право владеть местами по реке Самаре и чтоб даны были Запорожскому Войску грамоты на все владемые им с давних времен земли. Им отвечали, что в Сенате нет точного известия и описания этих

земель и что грамоты 1688 года и универсал 1655 года, на которые запорожцы ссылались, не отыскивались ни в малороссийских делах в Петербурге, ни в архиве Иностранной коллегии в Москве. Запорожцы писали, что, когда гетман Богдан Хмельницкий поддался под русскую державу, в то время Войско Запорожское владело рекою Днепром от Переволочной и всеми впадающими в Днепр реками, особенно же Самарью и по ней лесами и степями. Это, отвечал Сенат, Войско Запорожское представляет весьма напрасно, потому что, когда гетман Хмельницкий пришел в подданство, в то время все города, села и деревни и Войско Запорожское состояли в одной дирекции гетманской и между Малою Россиею и Войском Запорожским границы не было, но, где были пустые земли, там как запорожским, так и малороссийским козакам не запрещалось держать пасеки, рыбу и зверя ловить, а на Сечи запорожской в то время никаких мест и селений особливых не бывало. Сенат приказал, чтоб гетман, комендант крепости Св. Елисаветы и Запорожское Войско назначили особых людей, которые должны сделать описание всем запорожским землями угодьям, положить на карту и представить в Сенат. В то же время правительство давало чувствовать Запорожью, что полная независимость при выборах должностных лиц не будет им допущена. Гетман донес Сенату, что в Сечи на сходке атаманом определен прежний - Григорий Федоров, а судья, писарь и есаул новые и что эту перемену козаки сделали, не давши знать ему, гетману; он велел кошевому и старшине прислать ответ, на каком основании это сделано. Сенат одобрил распоряжение Разумовского.

На восточной украине среди магометанского народонаселения сочли нужным сделать такое распоряжение: в Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, где татары-магометане живут особыми деревнями; если в этих деревнях русских и новокрещен нет, а магометан по нынешней ревизии написано мужеского пола от двух - до трехсот в каждой, позволять в них строить мечети, где нет или были сломаны по указу 1744 года. Если в татарской деревне живут новокрещенные, которых наберется десятая часть, то их всех вывезть в другие деревни и поселить вместе с крещеными; если же в деревне будет новокрещен больше десятой части, то их не переводить, а в этой деревне мечети не строить. Попечитель над новокрещеными статский советник Вячеслов писал, что в Казанской губернии во всех иноверческих деревнях новокрещенные живут с некрещеными, и не только в каждой деревне, но и в одних домах и семьях при отцах некрещеных дети новокрещенные, а в иных дворах отцы новокрещены, а дети иноверцы, отчего происходит немалый соблазн, да и священникам в такие дома для обучения христианскому закону и со всякими требами входить нельзя. Сенат отвечал на это прежним распоряжением: крещеных переселить в другие деревни - христианские, а если крещеных больше десятой части, то вывезть некрещеных в деревни магометанские.

Позволение строить мечети при известных условиях было следствием прошлогоднего бунта башкирцев, которые поднялись под религиозным знаменем, выставляя основною причиною неудовольствия притеснения магометанской вере; главным возмутителем был мулла Батырша. В описываемом году Батырша был наконец пойман с одиннадцатью учениками и отправлен в Тайную канцелярию, где написал любопытный рассказ о своих похождениях. "По окончании моей науки жил я около полутора года в Каннской волости в деревне муллы Илша, а потом восояси возвратился и в деревне Карыш около шести лет жил, робят обучал и поповскую должность отправлял, о законе Божиим толковал. Около здешних мест российские архиереи, попы и другие насильством, нападками, лукавством в христианский закон обращают; за обращенных в христианство магометане должны ясак платить; из казны Господа Бога, из гор и озер, соль брать запретили, из городов покупать принудили. Когда некоторые старшины объявили, что из городов брать соль не желают, то командиры бранили их, по щекам били, за бороду таскали. В город ехать суда просить народ никакой уже надежды не имеет; которое дело можно было в один день кончить, месяц таскали, а которое в месяц можно было кончить, из взяток год продолжали. Некоторые злые старшины с народа взятки брали и, напившись пьяны, людей саблями рубили и много обижали, а когда на них суда просили, то не получали. Во время проезда с делами русских людей битьем, мучением, взятками, воровством неизреченные обиды показаны, излишние подводы требованы, проводников драгуны смертельно бьют. Бедный народ никакой себе надежды не имеет. Народ негодовал, и разнесся слух, что башкирцы Ногайской, Сибирской и Асинской дорог оружие готовят, а зачем - Богу известно. Чтоб проведать о причине, поехал я в Исецкую провинцию в деревню старшины Муслима будто в гости. Жители деревни воздали мне великую честь: из окрестных деревень мулл и других людей призвали, и все, стоя на коленах, поучения мои слушали. Приехали в гости и мещеряки, все напились кумыса допьяна и начали толковать, что соль и звериные ловли им запрещены, неверные русские крестят мусульман в свою веру, от командиров и генералов никакой милости нет и неизреченных тягостей терпеть больше нельзя, хуже что может ли быть, когда из настоящей веры в ложную обращают, ибо каждый человек свою веру любит. Русских, которые насильно из магометанства обращали и мечети разоряли, на весах разума с справедливым золотником надобно судить, так же как и мусульман, которые бы христиан в свою веру привели и церкви разорили, ибо все мы рабы императрицы; когда же государынина милость к рабам неровна будет, то легкомысленные люди рассуждали, что впредь уже ожидать нечего: станем и мы веру их ругать и в свою обращать и имение их грабить. Тайком старшине Муслиму я говорил: "День за день добро ли умножается или зло". Тот отвечал: "Самому тебе известно, от мучения неверных затылок у меня переломился, чтоб Господь Бог и у них затылок переломил и упование их пресек!" Выразумев эти происхождения, начал я

писать наставительные и разжигательные письма по силе изображения в книгах наших.

Был у мещеряков старшина Яныш, который никогда Богу не маливался, каждый год с своими сотниками не по очереди людей в поход писал, которые должны были откупаться; вора не судил, истца мириться принуждал, где б ни увидал красивую женщину, насильством блуд чинил, бил людей, которые не хотели идти к нему под суд, а требовали суда ахунов и мулл, судящих по книгам; а если кого надобно было отослать к муллам, то приказывал последним решить дело так, как ему хотелось. Я сужу праведным судом, и за то ученые люди и народ хотели меня сделать ахуном над всеми жителями Сибирской дороги; Яныш противился, но не успел. День за день между народом ведомости и слова умножались, что, как лошадей откормят, народ поднимется. Лето наступило, земля просохла, и указ пришел, чтоб Яныш с командою скоро на коней садился, ибо Ногайской дороги башкирцы встали, так шел бы на них. Я пошел к Янышу с представлением несчастного положения народа, который как птицы, испугавшись кречета, отлететь изготовились. "Все знаю, - отвечал Яныш, - нападки день ото дня умножаются; до сих пор даром или за малые деньги можно было доставать деготь, который для выделки кож употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велели из городов рыбий жир брать, а вместо двух рублей двадцать издерживаем. Слух носится, что из правоверных держав должно прибыть войско, тогда и сделаем дело; а теперь одним встать нельзя, будем задавлены множеством русских; башкирцам же ничего не будет; тотчас с женами и дочерьми сядут на лошадей и как ветер перелетят". Я говорил: "Если около нас находящиеся степные и по лесам живущие башкирцы за веру восстанут, то мы, одни мещеряки, из жилища нашего выйти способа не сыщем и драться с многолюдными мусульманами не можем, также и кровь их проливать в книгах наших правила не сыщем". "Если мусульмане усилятся, то мы соединимся с ними, а теперь лучше подождать", - отвечал Яныш. Я побранился с ним за это, назвал его лисицею, наполненною коварством: когда собака ее догоняет, то хвостом и направо, и налево вертит. Яныш говорил мне на это: "Слова твои с книгами и разумом сходны; но у старых людей пословица есть, и та с книгами не сходна, я тебе говорю: потерпи, безвременное дело непристойно бывает; ты своих речей народу не разглашай, ибо народ что мухи - в которую сторону ветер подует, туда и летят". Я решился потерпеть и съездить в Оренбург за вестями; пришел за паспортом к писарю Кузьме; тот в старом паспорте выскреб имя и, написав мое имя, отдал мне; потом попотчивал крепким медом и сказал: слух носится о прибытии войск из правоверных держав и что Россия опасность имеет. На дороге в Оренбург встретил я башкирцев Буржанской волости, которая вся бежала; они говорили: "Злой вор заводский командир имение наше покрал и разграбил, земли и воды наши отнял, жен и дочерей наших пред нашими глазами блудили; волость, не стерпев, заводского командира убила и побежала. Неоднократно народ наш на того заводского командира ездил с жалобою к дьяволу мурзе (генералу Тевкелеву), но никакой пользы

не получали" ". По возвращении из Оренбурга Батырша продолжал поджигать своих магометан к бунту; ему дали знать, что русские проводили об этом и хотят его схватить. Батырша бежал с женою, детьми и учениками своими; потом должен был расстаться с семейством и только с одним учеником отправился в Казанский уезд, питаясь милостынею и называясь учеником, муллою его нигде не принимали вследствие запрещения от правительства; целую зиму провел в яме; летом опять пошел за милостынею по деревням; наконец, должен был разлучиться и с последним товарищем, возвратился один домой и тут был пойман.

Хотя, как мы видели, Неплюев писал, что благодаря произведенной им вражде между киргизами и башкирцами России нечего бояться их связи, не все, однако, башкирцы ушли от киргизов и некоторые разбойничали с ними вместе; правительство положило срок их возвращению и все более и более отдаляло этот срок - знак, что желательное возвращение было медленно. Мы видели жалобы Батырши на притеснения; в широких степях русских украин действительно издавна разнуздывалось своеволие всякого сильного человека еще гораздо больше, чем в центральных областях; но Батырше не следовало бы очень жаловаться на русских, когда он так неосторожно выставил поведение туземного старшины Яныша. Что можно было делать в степях, показывает следующий случай. В Уфимском уезде явился неизвестный человек, который называл себя капитан-поручиком Преображенского полка Александром Петровичем Шуваловым, крестником графа Петра; при нем была татарка, с которою жил как с женою, солдат и денщик; одним разглашал он, будто послан графом Петром Шуваловым для приема земель под медные и железные заводы; другим - будто определен в Уфимский уезд ко всем иноверцам воеводою; иноверцы поверили и приходили к нему с жалобами друг на друга; он их судил и осужденных бил плетьюми как следует.

Средняя киргизская орда казалась опасною для сибирских границ, и потому Сенат распорядился, что для успокоения ее генерал Тевкелев должен повидаться с ее ханом Аблай-салтаном, также с тамошнею знатною старшиною и дать доброжелательным двоим старшинам для приласкания их в подарок из казенных вещей каждому рублей на сто. Впрочем, он должен секретно присматривать, не найдет ли какой возможности с русской стороны эту орду привести в несостояние, сколько для того нужно войска употребить и в какое время удобнее произвести это в действие, чтоб впредь от этой орды для сибирского края могла быть отнята вся опасность.

В Сибири убедились печальным опытом, что хлебопашество, заведенное по Иртышской, Колованской и Кузнецкой линиям, служит только в тягость и разорение тамошним городоным козакам, также и крестьянам в убыток. Неплюев был согласен в этом с сибирским губернатором, почему Иностранная коллегия подала мнение, чтоб козаков содержать на жалованье и казенном провианте. Но Сенату жаль было затраченных издержек, и он постановил: хлебопашество вовсе уничтожить не следует, а,

чтоб людям дальнейшего отягощения и разорения не было, класть на каждого человека не свыше полуторы десятины и не меньше десятины в каждом поле, а сверх того, кто сколько может.

Не упускали случая поближе познакомиться с Китаем: поручик геодезии Владыкин представил в Сенат от директора китайского каравана Алексея Владыкина и от себя составленную им ландкарту китайских губерний и провинций, также план Пекина; при этом директор Владыкин доносил, что ландкарта и план были получены для срисования из ханской библиотеки, на что издержано серебра 1500 рублей. Сенат велел выдать ему эти 1500 рублей, а карту и план хранить в секретной экспедиции.